

Фото И. Сухова

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ХЛЕБУ

Если бы меня спросили: «Камшат, за что ты любишь степь!» — я бы ответила: «За вечную молодость, за то, что она дарит людям хлеб!» Я знаю, что степи много веков. Что ветры свили на ее просторах тысячи гнезд. Но она молода, ей дали молодость люди, освоившие целину. Ее молодость в нас самих и в наших детях, которые идут дорогами отцов.

Какой казах не знает народной мудро-

сти: «Золото и серебро — только камни, ячмень и пшеница — настоящие драгоценности». Вот почему мы кланяемся пшенице до земли. И поклон до земли всем, кто выращивает хлеб.

Подержите на ладони пшеничное зерно. Оно почти невесомо. Но оно стоит того, чтобы были и беспокойные весны, и напряженные осенние дни.

Трудно у вас в степи, говорят мне ино-

гда. Мол, бывали проездом, видели тысячеверстную ширь. И хлеб выращивать в такой стороне трудно.

Я выросла в этой степи и люблю ее в любую погоду. Потому и живу и тружусь на отцовской земле, что свято верю в одно: посадил яблоню — дождись, чтобы зацвела, чтобы взял ты в руки солнечный плод, как в зеркале, рассмотрел в нем свою заботу, доброту и бессонное время, которое всегда окупается урожаем. Не может не зацвести яблоня, если ты согрел ее своим сердцем. Не может не вырасти хлеб, если ему отданы все силы.

Степь не любит неправды. И мы ничего не утаиваем от наших детей. Пусть они знают, что дороги, которыми прошли их отцы и матери, были трудны, и удачи случались не каждый день. Но пусть они знают, что в каждом зерне — наш труд, наша любовь к этому краю, и потому так вкусен хлеб, которому отданы лучшие годы.

Я знаю, что приезжали на целину люди неспешливые, как вода в половодье. Поживают год, два, а с первым теплом снова ждут попутной. И ругают степь: «Нет, надо искать устойчивый климат». А сколько людей не искало краев потеплее! Они стали своими людьми на этой земле. Они многое пережили, но вера в землю как была, так и осталась. Были засухи, которые, как пожар, уничтожали посевы. Были ненастные осени, когда дождь стоял стеной. Это трудные воспоминания. Лучше вспомнить, как хорош овес, распутившийся к своему сроку, как прекрасна пшеница в наших местах, как почти прозрачны ее зерна — капельки солнца.

Но не надо ничего забывать. Да это и невозможно. Как нельзя отказаться от каждодневной борьбы за хлеб в этой степи, то полыхающей метельными зарницами, то затихшей в солнечной дремоте.

У нас так: от директора до тракториста — все спорят со степью. В одиночку спор с ней не выйдет. Весну ждем, как утра, когда нужно снова идти на работу. С приходом осени каждый озабочен одним: чтобы не ушел под снег даже крохотный колосок. И так год за годом. Правильно говорят в шутку агрономы: «Если дождь ко времени отойдет, то урожай не наша заслуга». А вот когда небо как запутанные следы, то от них, агрономов, зависит будущий хлеб целины. Это давний

спор со степью, и многое надо уметь, чтобы выиграть его.

В окружении степной шири — центральная усадьба нашего целинного совхоза «Харьковский». Высятся вокруг полей безрезвые колки, набирая от солнца силу для роста. На этой земле выращивают хлеб люди тринадцати национальностей.

Мне вспоминаются слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им в Алма-Ате, когда вся страна праздновала двадцатилетие первой борозды на целинных просторах. Говоря о первопроходцах той поры, о трудностях, которые легли на их плечи, он сказал: «Целина стала подлинной школой интернационального воспитания, в которой представители всех народов нашей страны объединили мудрый опыт земледельцев, трудовые навыки, решимость победить. Сами названия многих целинных совхозов: «Московский», «Ленинградский», «Киевский», «Минский», «Днепропетровский», «Горьковский», «Харьковский» — словно свидетельства о рождении, говорят о том, кто их создавал».

Если вы приедете в наш совхоз, то познакомитесь с Алексеем Денисовичем Гуртовым. И он расскажет вам, почему наш совхоз назвали «Харьковским». Здесь поднимали землю, строили дома, шли наперекор ветру коммунисты и комсомольцы Харьковского тракторного завода, прибывшие сюда по призыву партии. Они учились выращивать хлеб в непривычных для себя условиях, передавали свой опыт работы на тракторах и комбайнах новым друзьям. И шлифовщик Харьковского тракторного Алексей Гуртовой стал первым комсоргом вновь созданного совхоза. А его земляк Сергей Капленко первым среди механизаторов хозяйства был награжден орденом Ленина.

Многим хорошим людям я обязана тем, что научилась выращивать хлеб. Алексей Денисович Гуртовой и Сергей Маркович Капленко — среди них.

Мой дед и прадед всю жизнь трудились на этой земле. Какая радость была до революции у батраков! Степной зной, многокилометровые переходы с отарами, глоток воды на берегу пересыхающей речки — все это приходилось на каждый день, на каждое лето. И вот внука казаха-батрака в кабине самого мощного нашего трактора — К-701. Могло ли быть иначе в обновленной степи! Она все та же — необъ-

ятная, как море, но ковыль уступил свое место пшенице. Взамен глинобитным аулам появились современные поселки. И новые дороги, дороги счастья, пролегли по степи, и по ним мчатся машины с зерном известной на весь мир кустанайской пшеницы, настоящей на степном солнце и степном ветре.

Было время, когда я, покачиваясь в седле, пасла с мужем отары овец. А потом Темирбек сказал, что хочет стать трактористом. И еще он сказал, что поможет мне изучить трактор. Мне, потомственной степнячке, это казалось странным. Я помнила старинную песню: «Жизнь — горячий скакун. Оседлай его, и ты увидишь, как огромна и прекрасна степь». В нашей семье каждый умел оседлать коня. Но никто из женщин нашей семьи не работал на тракторе. Мой отец, проживший в степи много лет, говорил мне: «По плечу ли дерево рубишь!» Было ему в диковинку, что казашка решила стать механизатором. А я думала: скакун тем и хорош, что вовремя умеет закусить удила, потому что чувствует свою силу. И мне казалось, что смогу овладеть новой профессией. Что из того, что никто из женщин нашей большой семьи ни разу не сидел в кабине трактора. Пусть я буду первой, пусть у меня ничего не получится. Но я должна попробовать.

Эта мечта была похожа на то зерно, которое прорастает в любую засуху. Я закончила совхозные курсы, а потом поступила в училище механизации.

Десять лет назад проложила я свою первую борозду. Дело прошлое: сомневались тогда, выйдет ли из меня трактористка. Поработает, мол, сезон и бросит: семья, дети, да и машина вряд ли будет послушна женской руке. Только я от своего не отступилась. Работала наравне со всеми, набиралась опыта. Участвовала в конкурсах: районных, областных, республиканских, всесоюзных — и всегда была в числе призеров. Хотелось мне доказать: женские руки, которые детей нянчат, обед готовят, могут крепко держать штурвал трактора. И доказала! Прошло время, и я решила освоить трактор К-700. Занималась вечерами, закончив домашние дела и уложив спать детей. До меня в совхозе никто из женщин не работал на такой машине. Все больше на колесных — летом и осенью. А «Кировец» должен трудиться весь год, все-таки триста лошадиных сил, и каждый день простоя такой машины недешево обходится совхозу. Сможет ли женщина, у которой четверо детей, работать круглый год: ветреной зимой, когда нужно «пахать» снег, чтобы не унесло его в балки и овраги, весенней порой — с утра и до поздна, а потом летом и в напряженные

осенние месяцы! Вот что беспокоило моих друзей, которые взялись учить меня. Одно время я работала сменщицей Султанбека Нурина. Ни разу он не попрекнул меня, если по моей вине трактор выходил из строя. Помогал, рассказывал.

Знаете, как это непросто, остаться один на один с машиной! Очень большой и очень сильной. Сколько сомнений окружат тебя в тот миг, когда нужно подняться в кабину, уже без подсказки запустить двигатель! Вот такое я пережила сама, когда стала работать самостоятельно. Рядом со мной никого не было, я специально попросила всех уйти. Но я знала, что мои товарищи, занятые своим делом, ждут, когда я выведу в поле свой трактор. И когда ожили стрелки приборов и «Кировец» начал набирать скорость, я оглянулась. В воротах маждвора стояли мои друзья. Они махали мне: «В добрый путь, Камшат!»

Я была среди тех, кто приехал в Алмату на торжества, посвященные двадцатилетию целины. Вернулась домой с дорогом для меня сувениром: моделью новой машины К-701. Ее подарил мне член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. Романов. А потом из города на Неве сообщили, что ленинградские тракторостроители выслали мне именной трактор К-701. Так что теперь у меня два трактора. Один игрушечный, его очень любит мой семилетний сынишка Сырым, а другой, настоящий, верой и правдой служит родному совхозу.

Весной наша степь вся в подснежниках и тюльпанах. Ничего, кажется, не может быть красивее. Но вот появляются всходы пшеницы, и вся степь покрывается огромным изумрудным ковром, а потом зашелестит бескрайняя нива. И нет для меня лучше этой красоты. Ведь она создана твоими руками, на твоей земле. Твой труд будто ожил в каждом колосе, который раскачивается на ветру.

Я знаю, как хорошо отдыхать в лесу, на берегу озера. Но для нас, земледельцев, самый большой отдых — постоять возле пшеничного поля, набирающего свою силу. Сначала я не думала об этом, а теперь поняла: весна с ее беспокойными хлопотами не исчезает бесследно, апрельская капель и майское солнце словно озвучивают своим дыханием лето и осень. Потому-то весна никогда не уходит из сердца, и нет тебе покоя, потому что всем своим существом ты отвечаешь за хлеб. Каким он будет, все ли ты сделала, чтобы меньше он пострадал от степного зноя! Земледельцу трудно исправить свои ошибки. Научиться работать без просче-

тов — в этом самая большая заслуга хлебороба.

Традиции целины прекрасны, как прекрасна сама земля, где они зародились. Их бережно, из рук в руки, передают вместе с памятью по наследству, потому что люди пришли в степь строить и жить, выращивать хлеб, воспитывать новое поколение целинников. Никто из нас не будет в обиде, если через несколько лет наши сыновья, а у кого-то уже и внуки начнут работать быстрее и лучше, чем мы. Это так же неизбежно, как и то, что каждое утро всходит солнце.

Каждый год много школьников приходит на свои поля и на поля целинных совхозов. Они пахут и сеют, убирают хлеб. И от нас зависит, какую смену мы подготовим себе. Это просто — воспитать настоящего хлебороба. Пройдут годы, прежде чем юноша или девушка смогут сказать: «Я хозяин на этой земле». Я сама прошла через многие трудности и к своей заветной мечте стремилась не один год. Никогда не скрывала, что порой было трудно, что успех никогда не приходит сам по себе. Свое счастье можно измерить только трудом, которым оно завоевано.

Есть у меня подруга юности — Кундузай Ибраева, член ЦК Коммунистической партии Казахстана. Мы росли вместе. И когда я начала работать на «Кировце», Кундузай тоже решила испытать свои силы. И вот уже не первый год мы соревнуемся с ней, помогаем друг другу. Поступили в сельскохозяйственный техникум, потому что понимаем: нужны новые знания, наука о хлебе — одна из самых сложных.

Недавно закончился республиканский конкурс молодых пахарей. Он проходил в районе, где я живу. Очень горжусь тем, что приз моего имени вручен моей землячке, трактористке из совхоза имени Тимирязева Татьяне Нальчевской. Она заняла первое место. И еще горжусь тем, что за последнее время немало женщин и девушек Казахстана поддержало мой призыв овладевать сельскохозяйственной техникой. С каждым годом все больше становится женских тракторных бригад, которые успешно трудятся на целинных просторах республики.

Кто не знает, как ценен хлеб, который выращивают в нашей степи! Пусть не так высоки намолоты, но зато пропитанное степным солнцем зерно сильных пшениц ценится на вес золота. Высокий процент клейковины и белка — вот что отличает прежде всего наш целинный хлеб. Велики резервы у целинного земледелия. Но для того, чтобы с каждым годом множить силу гектара, надо по-настоящему быть преданным земле, стать мастером хлебного поля.

Мне посчастливилось быть среди тех механизаторов страны, которые подписали письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Мы писали, что сельские механизаторы не пожалеют сил, чтобы успешно справиться с теми задачами, которые поставил XXV съезд партии перед тружениками села. В текущей пятилетке, пятилетке качества и эффективности, я решила выработать на своем тракторе К-701 не менее 20 тысяч условных эталонных гектаров, довести среднедневную выработку до 17 гектаров. Слово свое я сдержу.

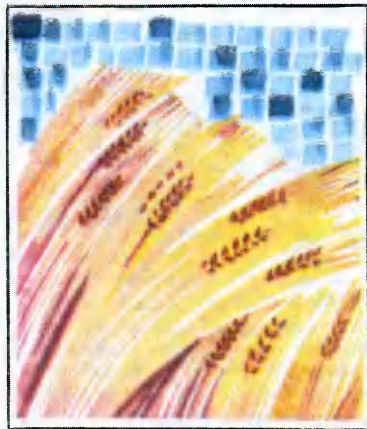
Время прибавляет нашей степи новые дороги. Забываются старые караванные тропы, взамен им появляются шумные, наезженные тракты. Может, не поймет новичок, почему живут здесь люди — в этой на первый взгляд однотонной, как серый надоедливый дождь, степи. Что удерживает их здесь, на этой земле! Но тот, кто хоть однажды держал на ладони горсть янтарных зерен, выстрадал их, тот никогда не покинет степь, ставшую для него родным домом. Кто хоть однажды попробовал свежего степного хлеба, тот никогда не забудет, как вкусен он.

Хлеб — наше богатство, крепость и могущество социалистической державы. И что может быть почетней благородной профессии хлебороба, который своим трудом умножает величие родной страны!

Вот ради этого хлеба, которому от всех нас самый низкий поклон, мы и живем здесь, в этом степном раздолье.

Камшат Доненбаева,
Герой Социалистического Труда, делегат
XXV съезда КПСС

Литературная запись А. Федорова

СОЛНЦЕ ДИКТУЕТ ПРОГРАММУ

Порой до нашей планеты доносятся отзвуки незримых бурь. Пересекая космическое пространство, отделяющее нас от сверкающего светила, они достигают Земли, и тогда над ней бушуют невидимые смерчи. Разыгрывается беззвучная гелиосовая увертюра — оркестровая пьеса в сопровождении незримых электромагнитных вихрей. Это только вступление к драме. Ее действующие лица — многочисленные грозы, штормовые ветры, тайфуны, циклоны и антициклоны. Они пронесются над материками и морями планеты. Потoki элементарных частиц, непрерывно выбрасываемые из недр Солнца, бомбардируют нашу планету.

Электромагнитные бури оборачиваются на Земле землетрясениями, наводнениями, извержениями вулканов, неистовыми вихрями, которые вырывают с корнями деревья и вызывают кораблекрушения.

Солнце навязывает свою власть и всему живому на Земле. Вслед за появлением пятен на Солнце у людей портится на-

строение, снижается работоспособность, нарушается ритм жизни. Ученые отмечают в это время вспышки массовых заболеваний среди людей, животных, растений.

На вторые-третьи сутки после начала мощной вспышки на Солнце увеличивается число трагических происшествий на дорогах. И не потому, что техника подводит. В такие дни ухудшается реакция человека на красный свет и способность оценивать обстановку. Даже туман и гололед не вызывают столько аварий, сколько эти невидимые и вроде бы не ощущаемые потоки, которые посылает Солнце. Вот как далеко простирает оно свои лучи. Но путь к познанию солнечно-земных связей был нелегок. Немало времени ушло на это у человечества. А начиналось изучение цикличности Солнца так.

...В начале XVII века произошло важное открытие. Была изобретена увеличительная труба, которая, как писали тогда ученые, позволяла далекое делать близким. Весной 1609 года до Галилео Галилея, астронома, физика и механика, дошли слухи

о появлении удивительных голландских зрительных труб.

Галилей был первым, кто догадался направить зрительную трубу — телескоп на небо. Она помогла ему сделать ряд важных астрономических открытий. В одном из своих сочинений по астрономии Галилей писал о солнечных пятнах, обнаруженных им на лике светила: «Продолжительные наблюдения в конце концов убедили меня, что эти пятна суть вещество, связанное с поверхностью солнечного тела; они то появляются на ней в большом количестве, то расплываются одни быстрее, другие медленнее, перемещаясь вместе с обращением Солнца вокруг своей оси, что совершается приблизительно в один лунный месяц, — явление величественное само по себе и еще более важное по своим последствиям».

Гениальная догадка! Особенно если учесть, что сделана она была более 300 лет назад, когда не только о солнечно-земных связях, но даже о движении земных светил запрещалось думать и говорить.

Теперь всем известно, что солнечные пятна существуют. Они доступны для наблюдений и астроному-любителю, и школьному астрономическому кружку. Размеры пятен различны, но большей частью весьма велики. Есть пятна, диаметр которых во много раз превосходит диаметр нашей планеты.

Любитель-астроном немец Швабе наблюдал за солнечными пятнами в течение 20 лет. Он одним из первых установил, что максимумы и минимумы количества солнечных пятен чередуются с периодом чуть больше, чем десятилетний. Несколько более точную цифру назвал астроном из Цюриха Рудольф Вольф. Он определил цикличность деятельности Солнца в 11 лет. Конечно, наше светило не работает с такой точностью и пунктуальностью. Эту

цифру астроном Вольф вывел после обработки различных исторических материалов: летописей, архивов ученых и даже церковных книг, в которых отмечались необычные события за 250 лет.

Сейчас установлены и более длительные ритмы солнечной активности. С такими максимумами ученые связывают геологические катастрофы и катаклизмы, порой нарушающие мирную жизнь планеты. Но нас особенно интересуют одиннадцатилетние циклы солнечной активности, когда над Землей неистовствуют отголоски процессов, протекающих на Солнце. А Солнце бурлит постоянно. Но и у него бывают пики — пики солнечной активности. Их ощущает все живое на Земле, ощущает сама планета.

В 1973 году советские ученые наблюдали за поведением вулкана Чикораки на острове Парамушир у берегов советского Дальнего Востока. Следили они и за поведением Солнца в эти же дни. И как установили, начало извержения вулкана совпало с интенсивными вспышками, зафиксированными на Солнце, с резким повышением солнечной радиации.

Ученые-гляциологи, в чьем ведении находятся ледники планеты, выявили некоторую связь между усилением солнечной активности и катастрофическими подвижками ледников. Внезапно сдвинувшийся лед и камне-грязевые потоки обрушиваются на дороги и поселения, сметая все на своем пути, после вспышек на Солнце.

Выявление подобных закономерностей позволит составить прогнозы поведения ледников (например, Медвежьего в Таджикистане) или айсбергов — ледяных островов, рожденных в Гренландии и угрожающих безопасности мореплавания.

А будущий урожай? Только ли от труда человека, вложенного в пшеничное поле, зависит он? К сожалению, на урожай влияют и неуправляемые факторы: засуха, град, ливни, пыльные бури, другие стихийные проявления, которыми дирижирует Солнце.

Американские специалисты подсчитали, что любой по-настоящему точный прогноз позволил бы ежегодно только в одном земледельческом штате Висконсин сэкономить около 90 миллионов долларов.

Сегодня ученые с определенностью утверждают, что Солнце — барометр урожая. Пятна на Солнце и урожай пшеницы на нашей планете находятся в более тесной взаимосвязи, чем это предполагалось до сих пор. Ленинградский исследователь кандидат географических наук В. А. Долотов установил, что урожайность ржи и картофеля и в XX столетии менялась, как и солнечная активность, с одиннадцатилетней цикличностью.

Капризы Солнца с его пиками активности, как выяснилось, в течение нынешнего столетия в значительной степени определяли... цены на хлеб, картофель и другие важнейшие злаки и овощи на мировом рынке.

Интересный эксперимент провел советский ученый Александр Петрович Дубров. В течение двух дней одновременно в четырех советских городах — Москве, Минске, Свердловске, Иркутске и во Флоренции (Италия) — биологи изучали выделения органических веществ из корней ячменя. И в лабораториях всех этих городов были зарегистрированы одновременные одинаковые колебания выделений таких веществ. По мнению ученых, это еще раз свидетельствует о том, как чутко реагируют растения даже на суточные микроритмы нашего светила. А что же говорить, когда оно бурлит и волнуется!

А вот какие исследования провели ученые Всесоюзного научно-исследовательского института защиты растений в Ленинграде И. И. Минкевич, Т. И. Захарова, Н. А. Шибкова. Они составили таблицу, в которой приведены сведения, в каком месте и в какое время возникают массовые болезни сельскохозяйственных культур. Ученые пришли к заключению, что между заболеваниями растений и солнечной активностью существует связь. За максимумом солнечной активности следует ожидать в ближайшие семь-восемь лет нахождение болезней: ржавчины и пыльной головни пшеницы, фитофторы картофеля и усыхания плодовых культур в нечерноземной полосе. В то же время уменьшается заболеваемость милдью винограда, незначительно повреждаются вредителями citrusовые на Черноморском побережье Кавказа и абрикосы на юге Украины.

Много лет своей жизни посвятил изучению гелиобиологии профессор А. Л. Чижевский. Он буквально поклонялся Солнцу. Ученый стремился выяснить влияние электромагнитного излучения Солнца на все живое.

Вот уже много миллионов лет, с того самого дня, как на Земле зародилась жизнь, растения и животные развиваются и приспособляются к самым невероятным изменениям электромагнитного поля, вызванного деятельностью грозного и ласкового светила.

Еще в начале нашего века Александр Леонидович Чижевский заложил основы гелиобиологии. Вместе с врачом микробиологом Сергеем Тимофеевичем Вельховым он создал своего рода солнечный барометр, который за несколько дней предсказывает вспышки на Солнце. В основе его лежит способность некоторых бакте-

рий менять свои свойства в зависимости от солнечной активности.

С. Т. Вельховер долгие годы изучал коринебактерии, которые во всем подобны возбудителям дифтерии, но не обладают их болезнетворностью. Однако отличить их можно. Под действием красящего вещества — метиленовой сини — коринебактерии приобретают красноватую окраску. Дифтерийные же палочки не окрашиваются синью. Так исследователи определяют, опасны бактерии или нет. Но в какое-то время возбудители дифтерии становятся миролюбивыми и начинают окрашиваться синью, как и коринебактерии. А знать это важно, ведь информация о состоянии солнечной активности, полученная при наблюдениях за коринебактериями, может быть передана в медико-биологические службы значительно быстрее, чем если бы она была получена от специалистов-астрономов.

При Астрономическом совете Академии наук СССР создана рабочая группа, которая занимается проблемой «Солнце — биосфера». Ученые собрали большое количество различных материалов и документов о солнечно-биологических связях на планете. Все важное проверено, отобрано, систематизировано. В этом необычном научном исследовании принимали участие гелиофизики и геофизики, гелиобиологи и медики.

Масштабы солнечно-земных связей огромны. По сути дела, ими охвачены все уголки планеты, ее моря и океаны, вулканы и ледники, растительный и животный мир. Ведь на Земле нет такого места, куда Солнце не дотянуло бы свои лучи. Масштабы велики, но это, конечно, не значит, что изучение закономерностей воздействия Солнца на планету и ее биосферу не под силу человеку.

Р. Короткий
Рис. И. Кошкарёва

1917-1977

«Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!» Под таким девизом вместе с пионерией страны идут маршрутами марша, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, юннаты Латвийской ССР.

«Мы будем настойчиво овладевать знаниями, вносить свой посильный вклад в трудовые дела старших, заниматься спортом, чтобы всегда быть готовыми к труду и обороне любимой Родины». Такое обещание дали делегаты VII Всесоюзного слета пионеров Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Пионеры Латвии на деле доказывают, что они в своих практических делах верны этому обещанию.

Сейчас подводят ребята итоги своей работы. Отрадно сознавать, что не прошло лето даром, что хорошо помогли они взрослым, были в первых рядах. Наш сегодняшний рассказ о юннатах Латвии, об их достижениях в учебе и труде.

Весомая прибавка

У доктора биологических наук Анны Клинциаре на рабочем столе лежит стопка ученических тетрадей. Простых, в клеточку. Но в Институте микробиологии Латвийской ССР все с уважением относятся к ним, осенью ждут, когда начнут присылать ребята отчеты о проделанных опытах. 80 школ республики работают сегодня по заданию ученых института. Юные опытные испытывают на пришкольных участках бактериальные препараты и стимуляторы роста.

В Скрудалиенской школе тоже получили пробирки с белым порошком. И началось испытание. Ребята обрабатывали препаратом семена сахарной свеклы и моркови. Контрольные семена просто смачивали водой, чтобы чистым был опыт. Потом на делянках высевали семена. Как покажет себя новый препарат? Какую прибавку даст он урожаю?

На каждую делянку, как обычно, вносили ребята удобрения: навоз, суперфосфат, калийную соль, всем растениям одинаково. А осенью получили интересные результаты. Обработанные препаратом семена быстрее проросли, да и корнеплоды на опытных делянках были больше и тяжелее. Урожай сахарной свеклы на 16 процентов был выше, чем на контроле, а моркови — на 13!

И ушло в институт ученых донесение скрудалиенских школьников: хорошо показал себя в их условиях новый препарат.

Сейчас доктор биологических наук Анна Клинциаре подшивает тетради в клеточку. 80 тетрадей, 80 результатов опыта, проведенного одновременно в разных районах республики, на разных почвах. И везде стимулятор роста дал весомую прибавку урожаю.

В следующем году юных опытников республики ждет новое задание.

ЛАТВИЙСКАЯ ССР

Знаете такой препарат, стимулятор роста — лизин? Небольшие порции его давали обычно телятам. И те заметно прибавляли в росте и весе. Но вот из Белоруссии пришло сообщение о нечаянном открытии ученых. Там лизин использовали как приманку для гусениц, вредителей кукурузы. Вдоль плантации насыпали лизин. Получалась такая белая тропа. И что интересно, гусеницы ползли на запах лизина. Здесь их собирали и уничтожали. Когда закончился этот опыт, ученые обратили внимание на рядки кукурузы, ближние к белой тропе. Здесь кукуруза была намного выше, с добротными упругими початками. Значит, лизин влияет на рост растений? Проверять это свойство препарата, ставить новые эксперименты и будут в следующем году юные опытники Латвии. Что ж, пожелаем им с успехом выполнить очередное задание ученых института микробиологии.

Хозяева девяти озер

Девять озер, словно голубые блюдца, лежат в окрестностях Индрской средней школы. Названия у них звучные, привлекательные! Изово, Черное, Долгое, Островенское. Спросите у здешних школьников, и они расскажут вам непременно о рыбе, которая водится в этих озерах, о плавучих островах, о плесах и стремнинах. Это и понятно. Уже восемь лет действует школьный голубой патруль. Когда-то было в Индрах лишь одно ребячье звено, а теперь отряды голубых патрулей насчитывают 250 человек.

Круглый год несут свою вахту ребята. Зимой раздается в школе сигнал тревоги: промерзли озера, задыхается рыба без живительного кислорода. Тогда-то и уходят в поход школьники. Ломами и пешнями пробивают во льду лунки, вставляют в эти проруби тростник, чтобы снова не замер-

зали они. Обычно лунки делают диаметром метр-полтора, но как-то такой суровой выдалась зима, что Изово сильно промерзло. Такого страшного замора не приходилось еще видеть. Вот и пришлось прорубать целые полыньи до девяти метров в диаметре. Миша Иванов, говорят, первым предложил использовать мотопомпу. Колхозные слесари и механики переоборудовали ее под гидравлический бур. Сильный водяной напор легко резал лед. С тех пор во время заморов пользуются ребята собственной механизацией.

Еще раз сигнал тревоги звучит в школе в начале лета, когда начинают мелеть реки. В бочагах и просто лужах остаются мальки, отрезанные от большой воды. Если не придет вовремя помощь, погибнет рыба. Тогда объявляется в отрядах голубых патрулей операция «Малышочка». С капроновыми сетками, ведрами и лопатами уходят к рекам ребята. Идут вдоль берега, пристально вглядываются, не блеснет ли на солнце светлое блюдце бочажины. Если случится такое, сетками и сачками вылавливают пленников, а потом в ведрах переносят их в реку.

В этом году индрские школьники вернули большой воде 3 миллиона мальков. А рыба здесь ценных пород: водится и ряпушка, и чудский сиг, и даже форель. Представляете, какое богатство сохранили отряды голубых патрулей!

Летняя страда „Лотоса“

Не правда ли, красивое название «Лотос»? Только ничего общего не имеет оно с крупными бело-розовыми цветами, которые растут в низовьях Волги или на дальневосточных глухих озерах. «Лотос» расшифровывается буднично и несколько суховато: летние отряды труда и отдыха старшекласников. Их много в Латвии, и

не первый год идет в республике добрая слава о работе учащихся.

Ребята 50-й средней школы Риги вот уже третий сезон трудятся на полях Огрской опытной станции института земледелия. Неподалеку от Риги расположена она. Здесь на экспериментальных плантациях ученые испытывают и дают путевку в жизнь новым сортам зерновых, овощей и картофеля.

Слышали такое слово — элита? Так называют самые качественные, самые отменные семена. Вот эту элиту и выращивают на станции, чтобы потом передать семена в совхозы и колхозы республики для внедрения в производство.

И разве не почетно помогать в свою пятую трудовую четверть передовому хозяйству! Тридцать человек выезжают из школы в Огре. Там создают ребята три бригады. Две из девушек и одну мальчишечью.

Этим летом комиссаром отряда избрали Хелвию Чаблиса. У комиссара много дел. Нужно за графиком следить, в каждой бригаде успеть побывать за день и с редколлегией подготовить очередной выпуск газеты «Сенокос».

Почему называли так газету? В хозяйстве есть свои фермы, а в июле самая сенокосная пора, вот мальчишки и работали на уборке сена.

А девочки утром выезжали в поле на прополку лука, салата или цветной капусты. Самый обмен новостями был в послеобеденные часы отдыха. Каждому свою работу похвалить хотелось.

Янис Блаус всегда ратовал за сенокос. Как это здорово! Травы стоят по пояс, и по ним, по этим шелковым травам, идет машина. А ты подгребаешь скошенную траву в ровный рядок, чтобы удобно было ком-

байну делать брикеты прессованного сена. Потом увезет грузовик брикеты в сарай, на хранение.

Хелвию больше по душе разгружать брикеты. Под навесом медвяно пахнет травой, жужжат шмели, проносясь над штабелями спрессованного сена, да и сама разгрузка — сплошное удовольствие, успевай только принимать сенные кирпичи и подавать их наверх товарищам. Работа эта наливает тело силой, закаляет характер. Нет, что и говорить, чудесная пора — сенокос!

Девочки же, Марина Черепко и Яна Курбе, считали, что в поле интересней. Конечно, трудно пропалывать грядки, но, если растут тут необычные культуры, о которых и в книге не читали, сразу становится весело и немного загадочно. Что еще расскажет Янис Якобович Лайнис? О каком редком овоще заведет речь?

На участке ученого растут удивительные новоселы. Тут и листовая горчица, и артишок, и базилик, и кресс-салат, и даже ко реандр. И о каждом растении прослушали девочки большую лекцию. Было потом что пересказывать мальчишкам!

Отряд 50-й рижской школы всего капля в большом море трудовых бригад «Лотоса». Но отчеты таких отрядов сложились в славный рапорт о работе ребят республики. Вот короткое перечисление полезных дел рижских школьников: «Пропололи 8,5 гектара плантаций, разгрузили 300 тонн брикетов сена, пропололи фруктовый сад опытной станции». И за все это ученые сказали ребятам сердечное спасибо.

Материалы по Латвийской ССР
подготовил **В. Кулагин**

Рис. Г. Комарова

В республиканском конкурсе «За ленинское отношение к природе» принимают участие 583 школы Латвии.

В республике создано и активно действует 60 школьных лесничеств. Юные друзья леса вырастили на 1746 гектарах молодые посадки, оборудовали свыше 15 тысяч кормушек для птиц, устроили на лесных полянах 912 столовых для лосей, кабанов и оленей. А чтобы не пустовали зимние столовые, ребята заготовили свыше 500 тысяч веников, собрали 14 тонн корма для птиц.

Отряды голубых патрулей вернули большой воде свыше 70 миллионов мальков ценных промысловых рыб, подготовили 150 мест для нереста рыб на речных притоках, прорубили во время заморозов около 2 тысяч лунок.

Лучшими школьными лесничествами считаются в республике Аппское, Угальское и Нагльское. Первенство в соцсоревновании по озеленению держат Бепская, Лиервадская и Броценская средние школы.

За годы учебы вы приобрели прочные знания, в ученических бригадах прошли первую школу трудовой закалки и воспитания высокой ответственности за порученное дело, получили профессиональные навыки для работы на полях и фермах. Активное участие в осуществлении выдвинутых XXV съездом КПСС задач по развитию сельского хозяйства, его специализации и концентрации, перевода на промышленную основу открывает перед вами большие возможности для проявления творческих сил и инициативы, применения тех знаний, которые вы получили в школе.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из приветствия участникам слета выпускников средних школ Костромской области, изъявивших желание работать в сельскохозяйственном производстве.

ЛОЦМАНЫ ТАВРИЧЕСКОГО МОРЯ

Где оно на карте, Таврическое море? Может быть, поблизости Тавриды, как называли прежде Крым, или новое какое-нибудь водохранилище — тоже на южном острове?

Нет такого моря, и все-таки есть оно, поскольку есть Таврическая средняя школа, есть бригада старшеклассников, выращивающая рис на залитых пресной водой, удивительно ровных полях.

Мысленно называя заполненные речной водой пространства Таврическим морем, Тамара Чахощкая думает о том, что не только в их совхозе «Пятиозерный», а и во всем степном Крыму стали урожайными солончаковые земли с тех пор, как был проведен Северо-Крымский канал и днепровская вода из Каховки устремилась по новому руслу через всю северную часть полуострова до самой Керчи. И пресная вода пошла не только по главному каналу, по стометровой шири его, а и по многочисленным отводным оросителям. И рис, влаголюбивый рис, стал в Крыму одной из главных культур. Да уж очень прихотлив этот рис, растущий на воде, и надо то

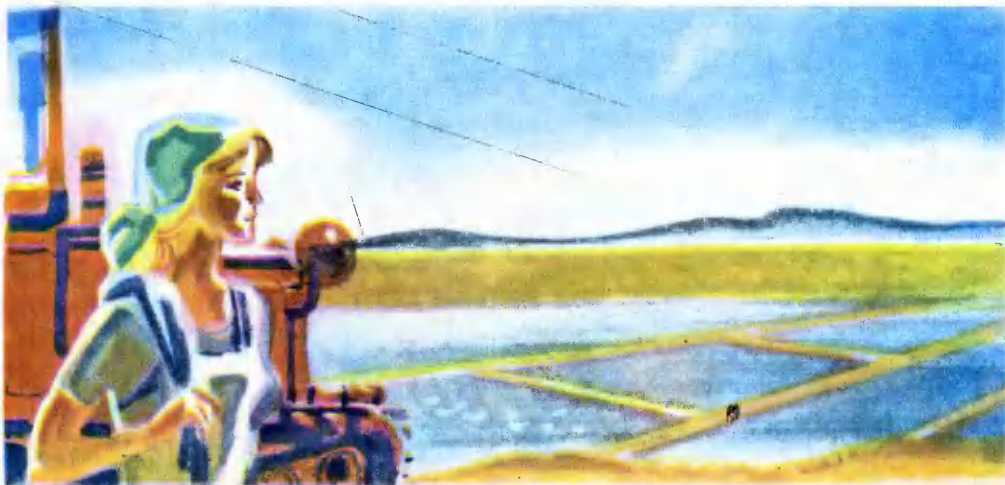
впускать воду на рисовые чеки, то не давать ей ходу, и потому Таврическое море так переменчиво: то как бы пересыхает, то вновь зеркально блестит под южным солнцем...

Еще нельзя было назвать морем ровные влажные пространства, которые вспахивали ребята, да все равно, чем не рулевая рубка кабины трактора? И каждому хотелось поскорее сесть за рычаги управления и доказать, как хорошо освоил на уроках производственного обучения в мастерской, где стоял старенький трактор, все, что необходимо трактористу на деле.

Оказавшись за рычагами управления, Тамара увидела с высоты кабины полные днепровской воды оросительный и параллельный ему сбросовый каналы, вспомнила, что в Каховке, в легендарной Каховке берут начало воды канала, и так охотно зазвучали в ее сердце боевые слова:

Каховка, Каховка, родная винтовка,
Горячая пуля, лети...

И ничего удивительного не нашла в том, что вот села на трактор, а в груди зазвуч-

чала боевая песня. Ведь эта земля такая героическая! Тут и в гражданскую воевали и побеждали красноезвездные шлемы, тут и в Отечественную бойцы 2-й гвардейской армии совершили дерзкий десант от мыса Карт-Казак через Каркинитский залив сюда, на побережье, где теперь село Таврическое...

Совсем незаметно пролетели два часа пахоты, а когда Тамара вернулась в школу, оказалось, что боевая песня, припомнившаяся ей, опять не дает покоя, но теперь в ней слышится явственное грозное военное время.

— Запалы нашли! — выдохнула взволнованно ее подруга, бригадир рисоводческой бригады Валя Рябова. — Младшеклассники стали копать ямку под деревце, а тут целый ящик с гранатными запалами...

«Вот тебе и горячая пуля, и горячая граната...» — озабоченно подумала Тамара и обвела серьезным взглядом все вокруг: и школу, поднимающуюся после войны как раз на месте первого эшелона окопов Ишуньских позиций 2-й гвардейской армии, и айвовый и вишневый сады, выросшие на земле, искромсанной металлом, и директора школы Василия Евтеевича Козлова, который шестнадцатилетним пареньком был участником подпольной группы здесь же, в Красноперекопском районе...

— Посеем рис — отправимся на берег залива. Там все по карте разведчика Лавренчука еще раз изучим. Как воевали наши бойцы на Перекопском перешейке, — задумчиво сказал Василий Евтеевич.

И Тамара словно наяву увидела эту военную карту, с которой работал бывший командир полковой разведки 87-й гвардейской дивизии майор Петр Ефимович Лавренчук. Подлинная карта, сохранившаяся у разведчика и подаренная им красным следопытам школы.

«Да, посеем рис, а там...» — подхватила она слова директора.

Ну а пока — главные заботы: разбросать удобрения на чеках, катками на гусеничном тракторе укатывать удобрения, потом пустить сеялку и сеять, внимательно следя за тем, чтобы равномерно падали зерна.

И хотя сеялка работала исправно, а все равно и Тамара, и Валя Рябова, и Таня Ражик потом склонялись над землей и подсчитывали, сколько граммов зерна высеялось на квадратный метр. У них даже был в руках специальный такой квадратик из деревянных планочек. Это очень важно — быть уверенными, что положенное количество зерен легло в почву.

— Прорастут зернышки, и придет море, — с улыбкой заметила Тамара своим подругам.

— Какое море?

— Таврическое! — убежденно произнесла Тамара.

— А, вон ты о чем, — поняли подружки и стали чуть ли не наперебой твердить о том, что море это появится лишь со всходами риса, а потом исчезнет, а потом опять появится.

Тамара и сама знала: с появлением ростков надо тотчас впустить воду, выдержать ее три-четыре дня и тут же сбросить. На каждый чек, занимающий два или три гектара, приходится впускной колодец и сбросовый колодец. Из впускного колодца, открыв специальную задвижку — шандорку, выпускаешь пресную воду оросительного канала, а через сбросовый колодец сливаешь воду в сбросовый канал, по которому она течет в Каркинитский залив.

Но вот уже и май, и поднялись зеленые иглы ростков, вот и можно, оставив дежурных на чеках, отправиться в ближний поход: карта, военная карта разведчика зовет в сторону залива!

Следопыты повторяют высадку десанта смельчаков 2-й гвардейской армии. На фелюгах идут ребята от мыса Карт-Казак, и кругом спокойное море, но грести нелегко, и руки горят от мозолей, и можно поставить парус или завести мотор, но лучше всего грести, грести, чтобы фелюги вроде бы незаметно и тихо подошли к тому побережью, где еще и теперь не заровнялись бомбовые воронки...

А на побережье, разведя костер, все они сидят и слушают уже не в первый раз рассказ Василия Евтеевича о том, как совершили бессмертный подвиг, закрыв своим телом амбразуры, Петр Коробчук и Александр Корчага. Именно там, где ныне стоит Таврическая школа и где происходили самые жестокие бои. О подвиге Петра Коробчука рассказывал ранее и генерал армии Казарян. Бойцы, хоронившие Петра Коробчука, все погубили, и теперь нелегко отыскать, где же покоится прах героев.

Нелегко отыскать могилы героев, но ведь погибли герои здесь, на этом побережье, и каждый из красных следопытов знает об этом и надеется, что именно ему удастся отыскать, именно он первым нападёт на след, получит вдруг письмо от оставшегося в живых однополчанина...

А летом Тамаре Чахоцкой пришлось чуть ли не грудью закрывать трубу сбросового колодца, как амбразуру какую-то. Да, вода хлестала из трубы сбросового колодца, сам бетонированный сбросовый колодец снесло в канал, поскольку накануне был ливень и размывало этот колодец, и надо было остановить воду, чтобы она не ушла из чека.

Тамара в тот день, обув резиновые сапожки, пришла на чек, проверила задвижку впускного колодца, а потом, пройдя весь

чек, ахнула: нет сбросового колодца, снесло его в канал!

«Так вся вода сойдет, — испугалась она. — А ведь рис уже в колосе. И если хоть на день чек останется без воды, наполовину потом потеряешь урожай. Потому что потом три-четыре дня заполняй чек водой, а для риса это погибель — стоять без воды...»

И она тут же принялась за работу, всяким сором забрасывать выемку, откуда хлестала вода, сорвала с себя нейлоновую курточку и сунула в отверстие. Ничего не помогало: такой напор воды. Хоть ложись да грудью закрывай колодец!

Тамара снова и снова забрасывала землей сток, вся обессилела, но зато сумела немного унять течение потока. И, понимая, что одной ей не справиться, вся измазанная в земле, она бросилась бежать в Таврическое, к Вале Рябковой, чуть ли не со слезами поведала ей о беде. И через минуту обе метнулись искать совхозного бригадира-куратора Лавренцова.

— Анатолий Николаевич! — задыхаясь от бега, от волнения, крикнула сиплым голосом Тамара, едва отыскали они Лавренцова. — Унесло сбросовый колодец!

— Как унесло? — удивился тот. — Такую тяжесть?

— Да ведь дожди! Вымыло и унесло в канал...

— Ну, я сейчас! — мигом взялся за трубку телефона Лавренцов. — Ты что, закрывала грудью сток? Вся мокрая... Эх, отчаянная ты, Тамара!

А она подтвердила, все еще никак не умея унять волнение:

— Закрывала, закрывала, а вода все равно стекает из чека...

— Сейчас, сейчас!

И вскоре Лавренцов вызвал автокран. Тамара с Валей уместились кое-как на автокране и через некоторое время оказались на чеке у размытого колодца.

Водитель ловко подхватил вымытый колодец, поставил его на место.

А Тамара, задвинув шандорку сбросового колодца, стала оглядывать рисовое поле, тревожно спрашивать у Вали Рябковой:

— Как ты думаешь, не вся вода сошла?

— Конечно, не вся. Ты молодец, Тамара, вовремя поспела в село. И дыру такую закидала землей...

— Я и сама вижу, что вода осталась на чеке, — облегченно вздохнула Тамара, и покачала головой, и усмехнулась, оглядывая свою грязную мокрую одежду. — Ох, Валя, это теперь можно посмеяться, что я как мокрая курица. А сначала не до смеху мне было, Валя...

То появляется Таврическое море, то исчезает, и надо все время регулировать уровень воды, а когда приходит пора ко-

сить рис, вода с чеков сбрасывается в канал, а затем в другое, в соленое море.

Прихотлив рис! А тут еще различные опыты на школьных чеках: испытывается сорт «юбилейный», вносится гипс на седьмом чеке...

И хотя Тамара на другом чеке выращивала рис, очень ее интересовало, как повлияют на урожайность внесенные на седьмом чеке четыре тонны гипса.

— Стебель вон какой сильный на седьмом, — говорила она Вале Рябковой. — И нет солончаковых пятен нигде. А на моем участке появлялись.

— Так мы же всюду, где солончаковые пятна, потом известь вносим. По два центнера на гектар, — успокаивала ее Валя. — Эти солончаковые пятна! На таких местах рис раньше времени осыпается: стебель слабее. И тут нам следить да следить!

— А все же, Валя, лучше сразу гипс на всех чеках вносить. Видно уже сейчас, какой хороший стебель. Да и сорт «юбилейный» — он самый удачный для наших земель. Вот я хожу, гляжу, где растет «кубанец», «краснодарский» и где «юбилейный». И знаешь, Валя: у «юбилейного» зерно самое крупное, стебель более стойкий.

— И я тоже вижу, — согласилась Валя Рябкова. — И правильно, что половину чеков мы засеяли «юбилейным».

— Вот бы и на следующий год отпустили в совхозе побольше «юбилейного» для сева! — воскликнула Тамара.

— Об этом думать новому нашему бригадир.

— Так не пойдет, Валя. Пока вас двое бригадиров — вдвоем и думайте, — весело возразила Тамара и улыбнулась, вспомнив об этой традиции: каждую весну, сразу после сева, избирать будущего брига-

(Окончание см. на стр. 55)

Рис. Р. Мусихиной

З в е н и, з е м л я!

Хорошо летом в степях на юге Воронежской области. Высоченные травы покрыли землю, над головой яркое бескрайнее небо, кое-где разрисованное нежными облаками. Тишина. Лишь неугомонный жаворонок поет в вышине. И вдруг зазвенела земля, закачались травы, умолк жаворонок — по степи мчится табун разномастных лошадей. Развеваются гривы, стелются по ветру хвосты. Это знаменитые орловские рысаки. Они проносятся по той земле, где родились их предки, прославившие Россию красотой, смелостью, силой.

Давно это было, более двух веков назад. Большой любитель и знаток лошадей граф Алексей Орлов-Чесменский мечтал вывести неприхотливую универсальную породу.

Чтоб не боялась эта лошадь ни мороза, ни жары, была легка и быстра, как ветер, да и силу б имела завидную, «чтоб могла ходить под воеводой и под воду годилась». Купил для этого граф в Аравии знаменитого белого жеребца Сметанку. Заплатил баснословную сумму — шестьдесят тысяч золотом. Долог был путь знаменитости в Россию. Не доверил его граф кораблям. Люди Орлова вели жеребца вокруг Черного моря, по степям Украины, через леса и наконец целого и невредимого доставили в подмосковную усадьбу графа.

Вскоре от Сметанки получили потомство. Оно и стало исходным материалом в создании новой породы лошадей.

Для успешных коннозаводских дел нужны были земли с мягким климатом, без суровых зим. Вскоре высокопоставленный вельможа получил в подарок от Екатерины II земли в Воронежской губернии: леса, реки, озера, степи достались графу Орлову. Сюда и переместились коннозаводские работы.

Через восемь лет родился первый рысак. Он стал родоначальником породы орловцев. Имя его Барс-1.

Вероятно, вековые дубы да липы помнят, как вырос здесь город лошадей — Хреновской конный завод. Его строили крепостные по чертежам знаменитого архитектора Д. Н. Жилярди.

Долгие годы в коннозаводском деле А. Г. Орлову помогал его крепостной В. И. Шишкин. Василий Иванович прекрасно разбирался в лошадях. После смерти графа он продолжил начатое дело.

Этим двум людям — графу А. Г. Орлову и крепостному В. И. Шишкину — обязаны орловские рысаки своим рождением.

Много послужили орловцы России. Они шли дорогами войн, кормили тысячи крестьянских семей, проходили на торжественных парадах, побеждали в спортивных состязаниях. А сколько призов завоевали на отечественных и международных выставках!

С конным заводом нас знакомил его директор, заслуженный ветеринарный врач РСФСР Иван Антонович Кузнецов. Мы долго ходили с ним по длинным улицам города лошадей — коридорам конюшен, кстати, они протянулись на пять километров. Потом заглянули в лазарет, в кормоцех. В кузнице увидели, как делают

лошадиную «обувь» — подковы. Прошлись мы и по площадям завода.

Вырастить хороших рысakov сложно. Много внимания и заботы отдают им люди. Только год жеребенок беззаботно резвится в табуне. Потом молодой попадает в тренерские конюшни. И здесь многое зависит от конохов, наездников, ветеринарных врачей, тренеров. Жеребят начинают учить уму-разуму. Делают это постепенно, не торопясь. Сначала надевают на рысачка уздечку, обучают командам, потом знакомят со сбруей. И вот уже по дорожкам ипподрома на вожжах ведут наездники молодых лошадей. Проходит день-другой, их впрягают в легкие двухколесные тележки-качалки, и начинаются регулярные тренировки. Круг за кругом проходят орловцы ипподром. И так каждый день в течение года.

Исполнится рысакм два года, и отправляются они на ипподромы страны. Их испытывают там несколько лет. Потом лошади возвращаются в родные места. В их паспортах уже значится резвость. Учитывая способности каждой лошади, судьбу рысakov решают по-разному. Одних отправляют в различные хозяйства, другие едут за границу, третьи остаются на заводе. Летом они вместе с жеребятами живут на вольных выпасах в степи. Раздолье и простор там. Степь полна травы, в прудах — чистая вода.

И сердце наполняется радостью оттого, что богаче стали эти места, двести лет назад давшие России орловских рысakov.

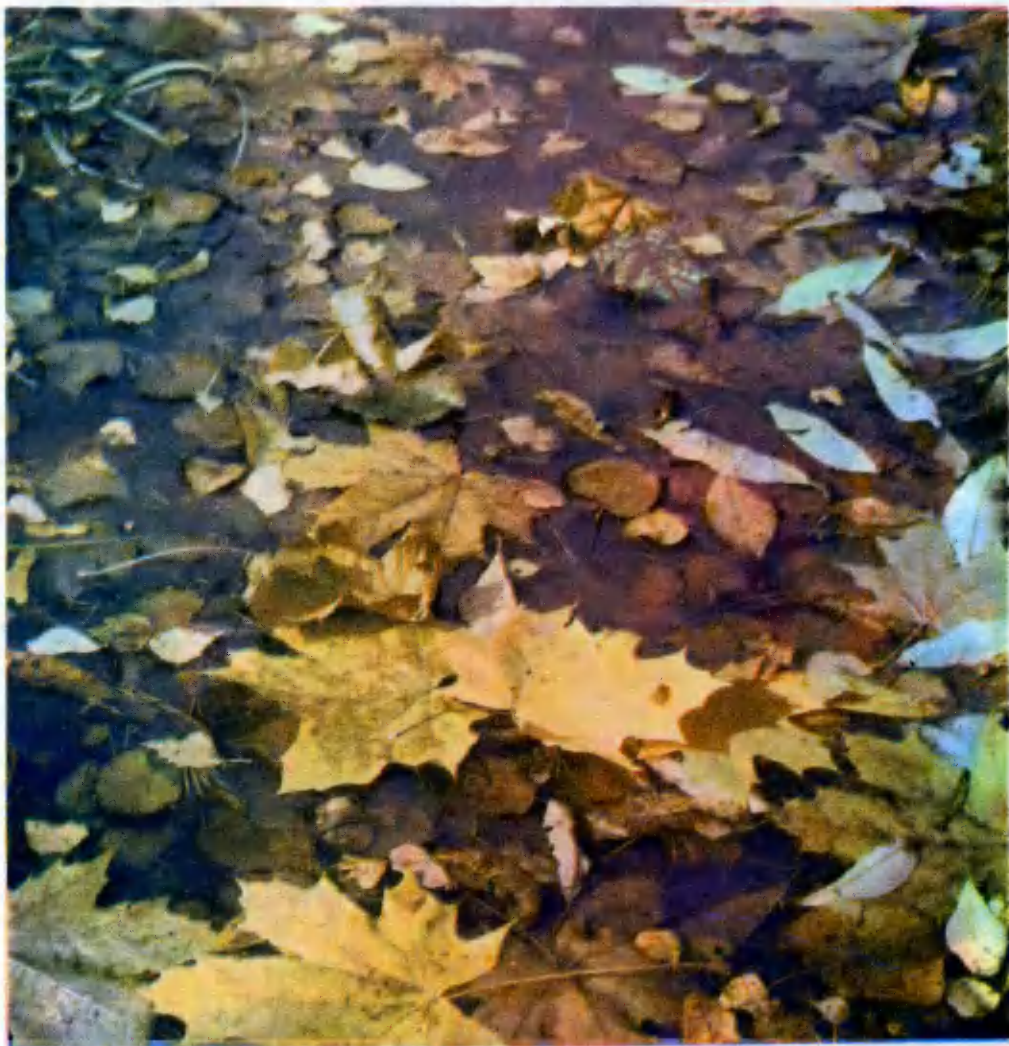
И. Константинов
Фото автора

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ОКТЯБРЬ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.
На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей, сухой и острой,
Набегает холодок.

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Находна

Как-то в конце октября, охотясь за зайцами, я долго не мог увидеть преследуемого собакой беляка. Он то кружил по непроходимому подлеску, а то уводил пса на дальний остров, откуда не было слышно голоса собаки. Потеряв надежду перехватить зайца на лазу, я пошел напрямик через густой липняк, намереваясь выйти на широкую просеку. Забравшись в глубину зарослей, неожиданно набрел на большое семейство груздей и в изумлении остановился, любуясь необыкновенной находкой, забыв о собаке и зайце. Опустившись на колени, я осторожно начал срезать охотничьим ножом увесистые влажные грузди, от которых исходил какой-то особый приятный аромат. Я настолько был увлечен сбором грибов, что не слышал, как приближался лай моего Дуная. Укладывая грибы в сетку, я заметил, как кто-то промелькнул мимо меня. Подняв голову, я увидел матерого зайца. Он сидел как изваяние, весь белый, слегка перебирая длинными ушами с черными вершинками. Он в упор смотрел на меня черными глазами, словно спрашивал: «Что ты здесь делаешь?»

Я протянул руку к ружью — заяц молниеносно скрылся в густых зарослях лип. Через несколько секунд я услышал приближение собаки. Дунай, редко взлаивая, шел за зверьком в двухстах метрах. Он заметно устал. Увидев меня, Дунай остановился и злобно залаял, как бы говоря: «Что ты здесь с грибами прохлаждаешься!» А сам снова рванулся по следу беляка, оглашая лес громовым голосом.

Выбравшись на просеку, я рогом отозвал собаку к себе и, приласкав Дуная, весело сказал ему: «Не сердись, дружок! Мы с тобой и так взяли отличные трофеи леса, а заяц пусть живет!»

В. Михалев

Утренник

Вчера на закате был один мир, а сегодня другой: первый иней лег на траву. Морозная щеточка выросла на каждом стебельке, лучась колючими иглами. Иней обвел годовые кольца на торцах бревен, и поэтому казалось издали, что изба симметрично заплетена паутиными кругами.

Как будто не обмороженный гриб поднимаю я с земли, а настоящую звезду: иней лег на каждую пластинку, превратив ее в светоносный луч. Алмазными опилками осыпан наскальный тимьян. Стали сверкучими под инеем серые друзья лишайника. Заиндевелая манжетка теперь похожа на перламутровую ракушку-гребешок. У дудника фосфоресцирует каемка листа. Стога покрыты хрусткой бело-голубой корочкой.

Поднимешь палый коричневый лист, подышишь на крупитчатый налет инея — и сразу тысячью капелек засверкает листовая пластинка. Каждый камушек сейчас просится в минералогическую коллекцию; каждый заиндевелый плетень кажется сложенным из бурых колонок хрустала. Топорщится иней, махровея от холода, поверх одной щеточки ложится другая, поменьше. Легки эти цветы осени: заденешь ненароком за стебли борщевика, и у корней его ляжет блескучей горкой осыпь инея.

Ю. Линник

Фото Е. Карпова и
В. Гуменюка

Рис. Р. Михайловой

Излом осени

Вчера в ночь неожиданно-негаданно с севера потянул жидкий леденящий ветерок. Обесцвечившую высь заволокло прозрачно-жемчужными шлейфами перистых облаков. Воздух сразу же стал кристально чист, холоден, звонок. А к утру взлютовал первый заморозок.

Заря просыпалась в глухой настороженно-чуткой тишине. Сперва над ширью лесов начала проясняться тусклая отбель. Затем все больше наливаясь розовеющей голубизною, она распахнулась по всему небосклону и докрасна, до цвета пронизанного солнечным лучом рубина накалила неподвижные облака. И в этот час охваченный сиянием зари неугасимо ликующим пожаром вспыхнул лес.

Он пламенел удивительно мягко, нежно, почти акварельно. И всюду, куда ни глянь, в его таинственных чащобах обвалено, феерической метелью забушевал листопад. Тут и там внезапно обожженные огнем мороза деревья горели и осыпались по-разному. Вот над полянкой к небу взметнулись могучие ясени. До минувшей ночи их пышные густо-зеленые шатры были полны еще сонной свежести. А теперь с ветвей жесткая, как жесть, заледеневшая листва опадала целыми охапками, будто высоко вверх кто-то стриг ее огромными ножницами.

Щедры бросали звонкую россыпь золотых монет на заиндевшие травы белые березы, стройные липы, крижистые вязы. А поредевшие кроны осин да черемух, как по волшебству, окрасились в жаркий фиолетово-пурпурный цвет.

Огненное утро! Излом осени. Это постучалась в дверь чародейка-зима.

П. Стефаров

Близость холодов

Утренний автобус высадил меня в глухой деревушке, со всех сторон атакованной лесом. Лишь с востока поле отеснило от изб деревьев, расчистив на пологом склоне широкую плешину. Далеко видно отсюда. Лес на холмах ярусами покатыми. Краски яркие: зеленые, желтые, багряные, а то и просто темно-коричневые.

Еще темень стоит кругом, а где-то на востоке, за лесами далекими, чуть рассеялась темнота, просветлела, словно бы розовой шторкой завесилась. И накаляется, накаляется от невидимого солнца, как железо в кузне, узкая полоска неба за лесным гребнем. Кажется: еще миг — и вспыхнет яркий, холодный свет, брызнет солнце на лес и плешину.

Но у осени свой нрав, свои привычки. Не дает она солнцу былого простора. Задержит сплошными тучами просветлевший было горизонт, как водой зальет рассвет. И, не догорев, тот бессильно потухнет.

Как-то сразу посереет утро. Холодом потянет. Пепельный туман разляжется вдоль горизонта. Воробьи, взвизывая было чирикать, смолкнут, забьются под крыши. Только галкам, собравшимся в большие стаи, все нипочем. Кружат над деревней с утра раннего, орут, галдят вразнобой. Близость холодов и зимы предвещают.

В. Степанов

Чудо - замок

Поздней осенью собирал я последние грибы опята. Кругом шуршали разноцветные листья, пестрым лиственным одеялом покрывалась земля в лесу. Листья вверху, листья внизу. Трудно в это время собирать дары леса: быстро устают глаза. Но опять тем и хороши, что растут дружной семьей, а не в одиночку. И в основном на старых догнивающих пнях. Издалека их приметно.

Брал грибы я с одного пня, и тут нечаянно отвалился кусок коры. Присмотрелся внимательнее. И — о чудо! — кого тут только нет!

Тут затаились и божьи коровки, позабывались в щели длинноногие комарики, устроились в расщелинах и щелкуны и жужелица.

Понял я, что насекомые попрятались, затаились здесь от зимней стужи — лесными домиками стали для них старые пни. Все нашли для себя удобные ухоронки. Я поставил кусок коры на место. Закрепил как мог.

— Счастливо перезимовать! — пожелал я им.

А. Кострицын

Дремучее моховое болото зажато со всех сторон огромными толстыми деревьями. Здесь любит селиться желна, или черный дятел, которого вы видите на фотографии. Любимые его места и глухие кедровники, и темные ельники, и сосновые боры. Нередко и на гарях можно встретить эту птицу. На высокоом обуглившемся стволе, словно черный обгоревший сук, сидит желна. Это крупная, угольно-черная птица с блестящей спиной. Из-за окраски ее и зовут черным дятлом.

Обычно на соснах, осинах или елях, в восьми-десяти метрах от земли выдалбливает дупло. 10—13 часов в день работает хозяин семейства. И так в течение 10—17 дней. А старые, покинутые дятлом дупла занимают другие птицы.

Фото Е. Горинова

Сегодня, ребята, ждет вас необычное задание.

Хорошо ли знаете вы окрестные леса и посадки? Посмотрите, какие породы деревьев и кустарников растут вокруг вас. Проведите их инвентаризацию. Запишите их названия, укажите количество, узнайте у специалистов особенности, которыми они обладают, какое значение имеют для народного хозяйства. Отметьте сроки появления листьев, начало и конец цветения, листопада, созревания семян.

Что значит познакомиться с биологическими особенностями породы? Вот, например, известная всем

береза — одна из основных лесообразующих пород у нас в стране. Она светолюбива, нетребовательна к почве, первой поселяется на гарях и вырубках, как бы заботясь о том, чтобы поскорее восстановить лес. Растет береза очень быстро, а живет долго: 120—150 лет.

Осенью береза рассеивает миллионы семян — мелких орешков, снабженных легкими крылышками. Подсчитано, что в 1 грамме семян их 5 тысяч штук. А на 1 гектар береза высевает от 35 до 150 килограммов. Это настоящая «чудо-сеялка».

Так можно дать описание и других деревьев и кустарников. Отметьте и возьмите под охрану деревья-великаны, деревья-долгожители, редкие и исчезающие растения вашего района.

Собранный материал (описание биологических

особенностей, хозяйственного значения, загадки, пословицы, поговорки, стихи, песни, репродукции) можно использовать при подготовке к празднику «Русский лес».

Очень важно выявить плюсовые деревья, то есть такие экземпляры, которые отличаются от других быстротой роста, прямоотой ствола, качеством семян. Соберите с них семена, если требуется стратификация (а это можно узнать в справочной литературе или у лесовода), проведите ее и посейте семена на специально отведенных для этого участках (на лесосеменных плантациях).

Выращенные вами из таких семян сеянцы будут хорошим посадочным материалом для дальнейших работ по озеленению населенных пунктов и при лесовосстановлении.

В. Ефимова

Секреты вероники

Осенью радует глаз даже самый маленький, самый невзрачный цветок. В это время на лугу иногда можно отыскать бело-сиреневые цветки вероники тимьянолистной. Среди своей многочисленной родни рода вероники — а на земном шаре их около 300 видов — она в числе тех немногих, которые цветут все лето, с весны до осени.

В разных местах вероники разные. У нас в средней полосе — это обычно многолетние и однолетние травы. На Крайнем Севере вероника растет как небольшой кустарничек, а в Австралии, Новой Зеландии и в Южной Америке — это небольшие деревца. Одиннадцать видов вероник растет в Африке и около пятнадцати — в Северной Америке. И у каждого вида есть свои, только ему присущие особенности и секреты.

Приглядитесь к веронике щитковой, ко-

торая селится обычно на сырых болотах, по топким берегам рек, среди болотных трав. Листья у нее узкие, длинные. Молодые листочки попарно сложены над растущей вверх вершинкой стебля. Как перерастет стебель эти листья, они начинают раскрываться и вдвигаться в промежутки сплетения листьев и веточек других растений. Как бы опираются на них. А чтобы не соскочил листочек со своей опоры, когда ветер подует или пройдет кто-то мимо, у него есть особое удерживающее приспособление: острые зубчики по краям листа направлены не вперед, к вершине листа, как у большинства растений, а назад, к стеблю. Такими хитрыми листьями с зубчиками-зацепками удерживает вероника свои тонкие слабые стебли среди более крепких болотных растений.

Вероника дубравная, которую вы видите на фотографии, растет по склонам, на полях, в садах. В общем там, где не всегда влаги бывает в достатке. Но она не страдает от этого. Приспособилась вероника дубравная сама себя поливать. На стебле у нее есть два ряда мягких волосков, а на черешках листьев желобки. Попадет вода на лист вероники, по желобку черешка сбежит к стеблю, а супротивные

ряды волосков направят воду прямо к корню. Под другими растениями даже после сильного дождя земля порой сухая бывает, а под вероникой дубравной и в самый маленький — мокрая.

У вероники лекарственной нектар лежит в глубине венчика и закрыт пучком волосков. Только насекомые-опылители могут своим хоботком проникнуть сквозь такой частокол. Пока будет насекомое поудобнее устраиваться на цветке, чтобы достать нектар, все брюшко пылью с тычинок поймают. И перенесет ту пыльцу потом на другой цветок, опылит его.

Стебель у многих вероник ползучий, но верхушка побега обязательно поднимается вверх. Ползучие побеги часто укореняются, поэтому вероники размножаются и стеблями, и корневищами, и семенами.

Но есть одна интересная особенность у

некоторых вероник при размножении семенами. В Крыму на старых каменных оградах растет иногда вероника цимбалариевая. Приспособилось это растение расселять свои семена водой. Пока стоит сухая погода, плоды вероники плотно закрыты, как ни трясина, ни одно семечко у них не выскочит. Но стоит дождю намокнуть плодик, как он сам раскроется. Подхватит дождевая капелька маленькое семечко и унесет куда-нибудь в трещинку или щель. В таких местах влага чаще скапливается и дольше держится. А растеньицу это только и нужно.

Часто семена проделывают и дальние путешествия. Но это в тех случаях, если вместе с грязью они прилипнут к ногам птиц и те унесут их далеко-далеко от материнского растения.

В. Санина

СКАКУНЫ ПУСТЫНИ

В Тибете, Непале, Северной Индии его издавна называют кяангом, на западе Индостана — куром. У монголов он джигетай, у туркмен и киргизов — кулан. Есть и такое имя — эквус гемнионус — «лошадь-полуосел». Так именуют этого зверя зоологи с 1775 года, когда Петр Симон Паллас впервые описал кулана. «Этих джигетаев, — писал ученый-путешественник, — нельзя, собственно, называть ни лошадьми, ни ослами. По своему внешнему виду они представляют собой нечто среднее между теми и другими».

Длина кулана — до двух с половиной метров, высота в холке — до 140 сантиметров, а вес около 350 килограммов. Конек обитает в пустынях и полупустынях (не песчаных!), равнинных и горных, поднимаясь на заоблачные плато до 5 километров над уровнем моря. Живет лет 20.

Первым, что бросается в глаза, когда смотришь на кулана, который после весенней линьки предстает перед вами, — это изысканность окраски его мускулистого тела с тонкими ногами и несколько непропорционально великоватой головой. При белом цвете ног и живота общий тон тела может быть от красно-коричневого до желто-песчаного или палевого с оттенками от спелого абрикоса до апельсина. Причем окрашенные поля чередуются с белыми или светло-кремовыми. На спине проходит темная полоса. Короткая грива на шее — темно-бурая. А на конце хвоста — редкая черная кисточка. Причем хвост кулана все время в движении. Даже во сне зверь зачастую им машет. Уши у кулана несколько длиннее, чем у лошади, но гораздо короче ослиных. Они могут служить барометром настроения животного. Недовольный кулан отводит их назад. Когда зверь в хорошем расположении духа, уши торчат строго вверх. Оттопыриваются, если кулан колеблется и еще не знает, как ему поступить. Наклоняются вперед, когда он чем-то заинтересован.

Обращают на себя внимание и выразительные темно-карие глаза, и огромные ноздри, и копыта в форме стаканов, которые помогают кулану бегать по твердому грунту и лазить по камням. Такому приспособлению может позавидовать даже лошадь. Двухслойные края копыт состоят из твердого рогового вещества, которое, выкрашиваясь, образует выступы, как шипы на подковах.

Кулан, словно дикий козел, ловко взбирается по крутым каменистым склонам, легко прыгивает с высоты в 2—2,5 метра, без разгона запрыгивает на полуметровый обрыв. Это очень осторожный, чуткий и зоркий зверь. Выражение «ушки на макушке» как нельзя лучше подходит именно к нему. Из всех лошадиных слуховые про-

ходы на черепе сильнее всего загнуты вверх как раз у куланов. Что же касается остроты слуха, то вот, скажем, щелчок фотоаппарата они слышат за полсотни метров. Завидев издали, за два-три километра, человека, куланы спешат укрыться. Но там, где их не преследуют, звери менее пугливы и даже любопытны: подбегают к незнакомому предмету, рассматривают его, развернувшись фронтом, а затем, круто повернув, гуськом убегают.

Куланы не лишены сообразительности. Однажды один из зверей научился самостоятельно заходить на усадьбу заповедника, открывал запоры на воротах: задвижки, вертушки и даже незакрытые на ключ замки. Другой, попав ногой в капкан, пришел к людям за помощью. А когда ловили арканом третьего, он, ухватив зубами веревку, резко дернул ее к себе и так освободился от затягивающейся петли.

Куланы — выносливые, сильные и смелые животные. Самый надежный способ защиты для них — бег. Если убежать нельзя, кулан бесстрашно бросается на врага, пуская в ход зубы и копыта, и не отступает даже перед человеком. Увидев собаку, нападает на нее. Преследует овца. Встреченного у воды дикого кабана отгоняет.

Впрочем, подобные случаи скорее исключения из правил. Обычно куланы ведут себя миролюбиво. Они часто пасутся вместе с джейранами, яками, архарами или сайгаками, а то и рядом с верблюдами или с табунной лошадью. Трясогузки и скворцы снуют у них прямо под копытами, склевывая вспугнутых в траве насекомых. Куланы не мешают птицам, когда линяют, вытаскивать у себя волосы для строительства гнезд. А зимой нередко выручают жаворонков, которые из-за выпавшего снега не могут достать корм. Вот почему птицы прилетают кормиться на куланын копанки.

В трудные холодно-голодные времена у куланов вырастает густой подшерсток (летом его вовсе нет), а остевые волосы удлиняются до 5—7 сантиметров. Таковы последствия контрастов пустыни: после сорокаградусной жары нередко наступают сорокаградусные морозы. Но с такой шубой они кулану не страшны. Другое дело — глубокий снег. Узкие копыта теперь уже недостаток. Поэтому-то куланы и живут там, где высота снежного покрова не превышает зимой 10—15 сантиметров.

Но особенно опасен для куланов гололед (впрочем, так же как и для всех копытных). Ведь траву зимой они добывают, раскапывая снег ударами копыт. А чтобы копытить лед, нужно затратить уйму времени и сил. А если он прочен, то и совсем невозможно докопаться до корма. Это страшное бедствие — джут — уносит в могилу многих равнинных животных. Кулану

легче других: он может подняться в горы и отыскать малозаснеженные и необледенелые места. Кроме травянистой растительности, питается кулан веточками кустарников. Умеет он и накапливать на зиму подкожный жир. Это и дополнительное утепление и пищевой резерв.

Сейчас известно более ста видов растений из куланьего меню. Злаки, полыни, солянки — главные блюда. И вот что любопытно: многие яства содержат прямо-таки пугающую концентрацию солей, эфирных масел, а то и просто ядовитых веществ. К этому надо добавить и способность животных пить морскую (из Аральского моря) воду, содержащую более 10 граммов солей на литр, а ее животное выпивает до 20 литров в сутки. Так что «хлеб» у куланов всегда горько-горько-соленый. Летом он сухой-пресухой, осенью — немного повлажнее от дождей, а зимой — влажный из-под снега. Звери едят его, закусывая иногда снегом. Весной корм очень сочный, и запивают его куланы уже гораздо меньшим количеством воды — и пресной, и сильно минерализованной.

Новорожденные куланята — рождается, как правило, один детеныш — весят 20—30 килограммов. Сначала они растут очень быстро. Жеребчики в первые двадцать дней жизни прибавляют граммов по 700 ежедневно, а кобылки на сотню меньше. Через несколько часов после рождения малыш уже делает первые неуверенные шаги к материнскому вымени со сладким голубоватого цвета молоком. Каждый выпивает 5—7 литров молока, прикладываясь к материнским соскам по несколько десятков раз в сутки. Пососавшему куланенку мать не позволяет сразу же ложиться на отдых. Подтаивая его сзади, она заставляя малыша немного пройтись на широко расставленных и трясущихся ножках. Впрочем, строгая молочная диета не соблюдается с самого раннего детства. В пять дней куланенок пробует скусывать (у него прорезались первые молочные зубы) травинки, долго мусоля их во рту, а дней через двадцать пасется по-настоящему.

Новый этап в жизни куланенка наступает на второй-третий день, когда куланихата присоединяется к оставленному на время табуну. Здесь тренерами становятся куланы, у которых нет своих жеребят. Они играют с малышами, гоняясь за ними. В недельном возрасте их уже трудно догнать даже на лошади. Нередко достается малышам на орехи от старших куланят — годовиков и двухлеток. На выручку им приходят не только матери, но и строгий самец-вожак, пресекающий в табуне всякие безобразия. Малыши очень подвижны, игривы и шаловливы. Носятся как угорелые. Нагуляв аппетит, бегут к матерям. Забегает

вперед, сердито трясут головой, взвизгивают — требуют, чтобы остановились и дали молока. А если мать лежит, нетерпеливый куланенок ходит вокруг нее, ставит ноги ей на шею, копытит землю — вставай, мол, мне есть пора!

Сосут матерей куланята месяцев до восьми-десяти, а если на следующий год у матери не родились почему-либо жеребята, то и того больше — до 14—16. Такая особенность выгодно отличает куланов, например, от джейранов, которые кормят своих малышей всего четыре месяца.

К двум годам молодые животные уже почти не отличаются от взрослых. Весной, во время куланьего гона, жизненные пути двухлеток расходятся. Кобылки могут еще остаться в родном табуне и ходить за матерями. А жеребчиков, несмотря на материнское заступничество, вожак безжалостно изгоняет. И им ничего другого не остается, как образовать отдельный табун или пополнить жидкие ряды куланов-одиночек.

Большую часть года, за исключением зимы, когда куланы объединяются в стада до нескольких сотен животных разного пола и возраста, звери обычно держатся группами в 5—25 голов. Формирует их матерый жеребец, собирая в семейный косяк приглянувшихся холостых кобыл и маток с молодыми куланятами. Хотя вожак-жеребец самый главный и все его безоговорочно слушаются, во время кочевков ведет табун умудренная опытом кобыла. После вожака она старшая в косяке. Как правило, есть еще одна или две самки, которые командуют другими, но сами они подчиняются старшей. А между рядовыми кобылами нередко устанавливаются дружеские отношения. Подруги вместе пасутся, часто чешут друг друга, сообщая охраняют своих жеребят.

Вожак-жеребец обычно пасется в стороне от табуна. Он зорко стережет косяк от посягательств самцов-соперников. Чаще всего это жеребцы-одиночки. Они или скитаются в поисках сородичей, или стоят где-нибудь в низинке, чтобы, выбрав удобный момент, отбить самок от проходящего мимо табуна, разумеется, если вожак зазавезает. Но такое бывает нечасто, разве когда косячный жеребец, устав от предыдущих столкновений и драк, утратит бдительность. Не остается вожак безучастным, и когда мимо проходит другой косяк. Ведь можно попытаться увести самок из чужого табуна, да и за своими приходится смотреть в оба, иначе лишиться собственных. Все эти коллизии разрешаются, конечно, отнюдь не мирным путем.

Во все времена мясо кулана было деликатесом, а жир считался якобы универсальным целебным средством. Мех с куланьего брюха шел на изготовление зимней одежды.

Из кожи выделывали ремни, уздечки, а чудесный цветной сафьян-шагрень шел для отделки седел и обуви. Коже приписывали даже лечебную и чудодейственную силу.

Сейчас ценятся живые куланы. На международном зоорынке спрос на них чрезвычайно велик. В нашей стране ежегодно очень небольшое количество юных куланов — 5—10 голов — отлавливаются для зоопарков.

Однако на куланов не только охотились. Их еще в древности приручали и широко использовали на хозяйственных работах и в армии.

Случаи вольного скрещивания коней с куланами нередки в Монголии. Целенаправленные опыты по гибридизации с ослами, лошадьми и зебрами проводились за рубежом и в Советском Союзе: в Бадхызском заповеднике, в некоторых зоопарках и на конных заводах, в заповеднике Аскания-Нова. Цель экспериментов: передать домашним животным замечательные свойства кулана — неприхотливость к воде и пище, быстроту и выносливость, великолепную приспособленность к жизни в пустыне.

Но все куланоиды оказались бесплодными. И все же опыты доказали, что муловство лучше всего вести, применяя вместо ослов полуослов: гибриды лошади с ку-

ланом гораздо работоспособнее обычных мулов.

...Когда-то неисчислимые стада куланов раздольно скакали от Днепра до Амура, от Урала до Индийского океана, от знойных сухих областей с жарой в 57 градусов до районов с пятидесятиградусными морозами. Это были горы и равнины, степи и лесостепи, пустыни и полупустыни. В нашей стране куланов было немало в прошлом веке в Закаспии, где многие современные географические названия тому свидетели. Например: полуостров Куланды, река Куланутмес, урочище Кулансай, остров Каска-Кулан, поселок Куланак или даже растение кулан-куйрюк (эрамоспартон безлистый).

Сейчас во всем мире осталось несколько тысяч куланов в самых укромных и пустынных уголках Монголии, Китая, Тибета, Непала, Индии, Ирана, Афганистана и СССР. В Советском Союзе живет около 1000 куланов в Бадхызском заповеднике на юге Туркмении и примерно 60 на острове Барсакельмес в Аральском море. Куланы — единственные представители диких лошадиных нашей фауны. Они отнесены к абсолютно охраняемым животным и внесены в международную «Красную книгу» и «Красную книгу СССР».

Г. Сележинский

КАРАВАННЫМИ ТРОПАМИ

Фото Г. Смирнова

«Дорогу осилит идущий». Говорят, эту пословицу сложили в пустыне то ли чабаны-скотоводы, то ли кочевники, ходившие с караванами через ее безбрежные просторы. Только для тех и других притягательными ориентирами всегда были колодцы. Они, словно бакены на речном фарватере, указывали маршрут, заставляли прибавлять шаг. Потому что колодец среди песков означал не только воду, благодатную тень и короткий отдых в пути, а и саму жизнь в иссушенных жгучим солнцем просторах.

Глубоки древние колодцы. Людям подчас приходилось на целых сто метров пробивать зыбучую грудь песков, и только там открывалось небольшое светлое блюдце воды, в котором, говорят, и днем можно увидеть звезды.

Не потому ли часто наше воображение рисует такую картину. Безбрежные волны барханов с гребешками из дымящегося от ветра песка. Солнце. Жара. Постоянная мечта о глотке воды. И скрывающаяся в этом желтом океане, заметная лишь опытным проводникам караванная тропа, по которой идут верблюды с поклажей. И так от колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Что ж, такая картина в чем-то справедлива. Недаром же называли верблюда «кораблем пустыни», по праву возведя его в столь высокий ранг. Недаром и сегодня под барханами археологи находят древние селения, засыпанные песком. Недаром и сейчас песчаные бури так же грозны и жестоки, как много веков назад. И все же умирил нрав пустыни человек. И может, когда-нибудь поставят памятник первому его помощнику — верблюду. Он действительно заслужил такое.

Уникальное это существо, настоящий феномен животного мира. Дромедар, например, одомашнили его

задолго до нашей эры. И с тех пор исправно и верно служит он людям, помогая выстоять в борьбе с грозной стихией.

Дромедар и вправду уникален. Десять дней может этот верблюд обходиться без воды, проходя в караване за сутки до 30 километров. Правда, в караване не слишком разгонисься — не назовешь ведь рекордной скорость около 10 километров в час. Другое дело под седлом. Тут крейсерская скорость «корабля пустыни» достигает 23 километров!

Долго думали и строили догадки ученые о причинах удивительной способности верблюдов переносить жажду. Предполагали, что все зависит от желудка животного, который хорошо удерживает воду, а пьют дромедары много и быстро: за десять минут у колодца поглощают сразу десять ведер воды. Но это объяснение оказалось ложным. Тогда обратили внимание на горб. Не этот ли огромный склад жира позволяет животному терпеть жажду, ведь, сгорая, жир компенсирует обезвоживание организма? Но и такое объяснение оказалось неточным. Феноменальная стойкость верблюда к жажде, как оказалось, зависит от его способности терять до четверти своего веса за счет воды. При этом в крови влага удерживается в значительно большем количестве, чем у других животных.

Всем хорошо известен безотказный труженик, восточный ишак. Представьте себе на минуту, что он идет через пустыню с караваном. Жара. Сорок градусов в тени. Впрочем, тень в пустыне понятие относительное. Лишь на треть пути хватит ишака, потом он сомлеет от зноя, а верблюду хоть бы что, потому что он в три раза медленнее теряет влагу. Ну чем же не «корабль пустыни»!

Седоку с вершины его спины хорошо видно, насколько они разные, желтые пески. В глубине наши Кы-

зылкумы и Каракумы расцвечены зелеными пятнами саксаула, кандыма, джюзгуна, тамариска, верблюжьей колючки — этих неперменных спутников песков. Значит, не так уж и безжизненна пустыня.

Действительно, тут и там встретятся вам следы жуков-скарабеев, прокативших в норку очередной шар с кормом, узкие росчерки юрких

ящериц, при малейшей опасности мгновенно зарывающихся в песок, битееватые спирали проползших ядовитых змей и, конечно же, слабые отпечатки лап желтых сусликов. По счастью, можно услышать их тонкий посвист и увидеть, как замерли они столбиками у своих нор, готовые вот-вот скрыться в подземном убежище. А там поди, откопай!

На сто метров тянутся под землей норные ходы сусликов. Попробуй тут определи сразу, в какую сторону нужно копать.

Желтые суслики — аборигены пустыни. Держатся они колониями. В одной колонии обычно бывает 25 семей. Все норы близко друг к другу — на одном гектаре песков. А потом пройдешь десятки и даже сотни километров и лишь тогда только вновь услышишь негромкий посвист этих животных. Правда, повстречаться с ними можно лишь весной. На юге Каракумов желтые суслики уже в конце июня залегают в спячку и спокойно пережидают зной до февраля — марта, когда прольются над песками весенние дожди.

Вот и вернулись мы снова к воде. Иначе и быть не может, ведь вода много значит для обитателей пустыни. Хватает ли ее? Ученые отвечают, хватает! Главное, уметь собрать, задержать воду после весенних и осенних ливней. Опыты, поставленные учеными Института пустынь, есть такой в Туркмении, показали, что за это время дождевой сток в Каракумах превышает сток Амударьи. Как же сохранить влагу? Рыть колодцы? Бурить скважины? Возможно и такое. Но есть метод намного проще.

Нет-нет да и встретятся среди песков глинистые пятаки такыров. Земля здесь плотная, потрескавшаяся от зноя. После дождя на такырах образуются маленькие озерца. Сделай в самой низкой части такыра небольшой котлован — вода стечет туда, пройдет сквозь песок, но глубоко уйти не сможет, задержат ее грунтовые воды. Так как те сильно минерализованы, пресная вода соберется над ними в огромную линзу. Чем не подземное водохранилище!

Не правда ли, интересный способ? Но самый эффективный все же — прокладка через пески каналов. Вода Амударьи пришла уже в пески Каракумов по Большому Туркменскому каналу, изменив древний облик пустыни. Там, где раньше дыбились барханы, раскинулись сегодня плантации хлопчатника, встали вдоль канала фруктовые сады и виноградники. Речная вода пришла в Голодную и Каршинскую степи — и там преобразила жизнь.

Сегодня привычной стала такая картина. Пьет из канала воду «корабль пустыни» — верблюд, не обращая внимания на белый пароход, что застыл среди песков у причала. И по-новому звучит уже древняя пословица: «Дорогу осилит идущий».

К. Владимиров

Н О В О С Е Л Ы

На карте озеро Таймыр словно серое блюдо в полярном безмолвии. Да, гут Крайний Север, 75-й градус широты, но места вокруг озера издавна слынут «арктическим оазисом». Виной тому горы. Они ограждают озеро от злых антициклонов — кузницы жестоких сибирских морозов, наталкиваясь на хребты, здесь слабеют, теряют силы атлантические ветры, даря «оазису» дожди и снегопады, создавая сравнительно (для Арктики, конечно) мягкий климат.

Короткое полярное лето обряжает оцепеневшую за зиму землю не только в ковер мхов и лишайников, но и в веселые заросли пушицы, хвощей и злаков, в невысокие куртины карликовых ив и берез. Вряд ли найдешь в суровом Заполярье место лучше. Вот почему на восточном побережье озера, неподалеку от устья реки Бикады, два года назад появился необычный вольер. За его оградой неторопливо расхаживают овцебыки. Невелико пока их стадо — всего-то десять голов, но сколько забот и тревог доставило оно ученым Научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера, которые проводят интересный эксперимент по реакклиматизации этих уникальных животных.

Овцебыки, или, как их еще называют, мускусные быки, только на время поселились здесь, в «оазисе». Пусть немного привыкнут к условиям нашего Севера, пусть освоятся на Таймыре. Мускусные быки, на удивление, неприхотливые животные. Эти велика-

ны Арктики, достигающие полтонны веса, довольствуются малым: тем же ягелем и лишайником, той скудной растительностью, которую дарит вечной мерзлоте полярное лето. По сравнению с ними наш знаменитый северный олень — изнеженный гурман. Ему подавай корма побольше и посвежее, оттого и кочуют олени стада по тундре. Овцебыки же домоседы. Держатся вокруг одного места, добывая и зимой корм из-под снега. Ведут себя степенно, неторопливо. Впрочем, в этой их степенности виноваты во многом полярные холода. И вот почему.

От крепких морозов овцебыков защищает добротная шуба из длинной шерсти. Девяносто сантиметров достигает подчас она, свисая с боков гигантов почти до земли. Прибавьте к этому густой шелковистый слой серовато-коричневатого пуха, так называемый подшерсток, и сразу станет ясно, что овцебыкам не грозит гибель от холода. Шуба шубой, но энергию и тепло сохранять надо. Едят овцебыки мало, лишь пятой части корма, необходимого тем же оленям, хватает им с лихвой, чтобы поддержать жизнедеятельность организма. А чтобы не расходовать зря накопленную энергию, овцебыкам приходится быть степенными, неторопливыми, неуклюжими с виду. Но так до тех пор, пока вокруг тихо и спокойно, пока не появится вблизи волчья стая.

Учув серых разбойников, стадо мускусных быков занимает круговую оборону. В центр сбиваются телята и самки, а самцы выстраиваются по внешнему кольцу, выставив навстречу врагу изогнутые кверху

ЗАПОЛЯРЬЯ

крепкие рога. Вот когда преображаются эти животные, на деле доказывая, что они смелые, решительные бойцы. А главное — стойкие. Держат оборону до последнего, не пускаясь в бегство. Потому волки и предпочитают чаще атаковать отбившихся одиночных овцебыков. И что интересно, попавший в беду мускусный бык ищет выступ скалы или откос, защищающий с тыла. И тогда уж бьется до конца.

Правда, смелость и решительность овцебыков сыграли с ними злую шутку. Впрочем, обо всем по порядку.

Когда-то, тысячи лет назад, эти животные заселяли Крайний Север Евразии, так что овцебыков в вольере возле устья Бикады нельзя назвать новоселами в полном смысле этого слова. Прошел ледник, изменился климат, и травоядные гиганты здесь по неизвестным причинам вымерли. Зато они сохранились в полярных областях Нового Света. Их большие стада паслись и в те дни, когда европейские переселенцы сошли с каравелл на неведомую дотоле землю. Тогда-то и началась трагедия, сходящая с трагедией американских бизонов.

Представьте себе на минуту такую картину. Стадо овцебыков, занявшее круговую оборону, и вооруженные первопроходцы, осваивающие северные земли. Гремят выстрелы, падают один за другим овцебыки, не пытаясь даже спастись бегством. И так до тех пор, пока не забьется в предсмертных судорогах последний теленок. Вот почему в середине прошлого века эти животные оказались на грани полного исчезнове-

ния. К счастью, такого не случилось, хотя овцебыков осталось очень мало. Сегодня их стада насчитывают чуть больше двадцати тысяч голов. Гренландия, Шпицберген, Аляска, острова северного побережья Канады — вот места их обитания.

Но вернемся на Таймыр, в вольер, где пасутся новоселы. В чем суть эксперимента советских ученых? Зачем нужно было самолетами и вертолетами доставлять сюда гигантов Арктики? Стоило ли охотоведам и геоботаникам отправляться в трудные походы в поисках лучшего места для оборудования этого вольера?

Конечно, стоило!

Овцебыки прекрасно приспособлены к условиям Заполярья. А достоинства их можно перечислять и перечислять. Вкусное мясо? Безусловно. Тончайшая шерсть? И это так. Молоко? Да, молоко, содержащее 11 процентов жира.

Впрочем, приручение овцебыков — дело будущего. Главная цель эксперимента — заполнить пустующую экологическую нишу советской Арктики ценным копытным животным. Вот почему еще сорок мускусных быков завезли в Заполярье.

Настанет пора, когда ученые распахнут ворота вольера и первое стадо овцебыков начнет самостоятельную жизнь. И удивительные животные станут такими же привычными на арктических просторах нашей страны, как северные олени, давно уже верой и правдой служащие человеку.

В. Алексеев

СОБЫТИЯ ЗВЕРИНОГО ДНЯ

Профессия зверолова имеет свои особенности. Благодаря ей я получил возможность побывать в тропических лесах различных стран. Ведь когда человек ловит зверей, он волей-неволей должен отправляться в непроходимые джунгли и искать там их обитателей. К сожалению, эти обитатели не выходят навстречу. Для меня было большим открытием, когда, оказавшись в тропическом лесу, я узнал, что там удивительно мало диких зверей. Можно было ходить целый день и увидеть лишь какую-то неизвестную птицу или невиданную пеструю бабочку.

На самом деле там, конечно, есть животные, и их немало, но они искусно уклоняются от встречи с человеком. Чтобы увидеть их, а тем более поймать, зверолов должен точно знать, где следует искать животных. Помню, однажды после шестимесячной экспедиции в лесах Камеруна я показал одному человеку коллекцию отловленных животных — в ней было около пятидесяти различных млекопитающих, птиц и рептилий. Тот провел в Африке целых двадцать пять лет. Представьте себе, он был изумлен, что в лесах, рядом с которыми столько лет проживал, обитает так много животных.

В Африке леса разграничивают на два вида — «кустарниковый», расположенный в непосредственной близости от населенных пунктов, и «черный» лес, достаточно удаленный от городов и деревень.

Чтобы поймать животных, вовсе не нужно расставлять силки и ловушки наугад по всему лесу. Это только на первый взгляд кажется, что звери бродят по лесу как попало. На самом деле внимательный человек сразу убедится, что большинство животных имеют свои определенные тропы, которыми пользуются из года в год. Одни тропы приводят их в места, где они кормятся. Другие проложены к водопою. У некоторых животных в определенных местах есть даже свои собственные уборные.

Прежде чем отлавливать животных, нужно, набравшись терпения, внимательно исследовать местность, где будут расставлены ловушки, выяснить, какими путями ходят животные — по верхушкам деревьев или по лесной подстилке, узнать, где созревают дикие фрукты, какими норами пользуются животные ночью, а какими днем.

Во время своего пребывания в Западной Африке я провел много часов в «черном» лесу, наблюдая за лесными обитателями: изучал их повадки, обдумывал, каким способом лучше поймать того или иного зверя.

В одном очень интересном месте я вел наблюдения целых три недели. Это была опушка леса. Тяжелые ливни постепенно

вымыли почву из-под массивных корней одного гигантского дерева. Лишившись опоры, оно в конце концов рухнуло на землю. Сердцевина дерева сгнила, и образовалось огромное дупло. Сверху гниющая древесина густо заросла вьюнками, мохом, по шелушащейся коре маршировали целые батальоны грибов-поганок. Это дерево и стало моим укрытием. Подходя к дуплу, я прежде всего проверял, не поселился ли там за время моего отсутствия какой-нибудь жилец, затем забирался внутрь и устраивался поудобнее. Начиналось ожидание. Я сидел среди зелени, совершенно невидимый снаружи.

В течение первого часа поблизости не появлялось ничего живого. До меня доносились только крики цикад, иногда раздавались отдельные трели древесных лягушек на берегах ручья, да изредка я провожал взглядом пролетающую мимо бабочку. За это короткое время лес как бы поглощал меня, а затем, если я оставался спокойным и сохранял неподвижность, лесные обитатели принимали меня за какой-то неуклюжий предмет, входящий в составную часть ландшафта, окружающего поваленное дерево.

Как правило, первыми появлялись любители фруктов — какие-то большие птицы. Они прилетали кормиться на деревья дикого инжира, которые росли на самой опушке леса. Эти огромные птицы с длинными, покачивающимися, как у сорок, хвостами издавала давали знать о своем прибытии. Они находились еще в глубине лесного массива, а надо мной уже звенели их громкие и радостные крики: «каруу, коо, коо, коо». Птицы рассаживались на деревьях, восторженно переключаясь друг с другом и взаимная своими длинными хвостами, золотисто-зеленое оперение которых переливалось всеми цветами радуги. Временами они начинали бегать по сучьям как-то совершенно не по-птичьи. Скакали с одной ветки на другую, срывая плоды дикого инжира и глотая их.

Потом на пир прибывали мартышки моны. Их была целая рота. Мех у этих животных красновато-коричневый, снизу белый. Справа и слева от основания хвоста выделялись ярко-белые пятна, похожие на огромные отпечатки больших пальцев. Мартышки приближались с таким шумом, словно налетал внезапный порыв ветра. Но если внимательно прислушаться, то среди общего шума можно было услышать какой-то гикающий крик, сопровождаемый громким и довольно расплывчатым звуком старинного автомобильного рожка. Так кричали птицы-носороги, которые всегда следовали за мартышками.

Добравшись до опушки леса, вожак мартишек забирался на дерево повыше. Заняв удобный наблюдательный пункт, он внимательно осматривал раскинувшиеся перед ним луга и все время ворчливо бормотал что-то. За спиной вожака в полной тишине и неподвижности застывало все стадо — не меньше пятидесяти мартишек. Лишь изредка раздавался хриплый вопль какого-нибудь крошечного детеныша. Наконец старый самец убеждался, что на лугу нет ничего подозрительного, и очень медленно, с важным и торжественным видом направлялся по толстому суку, сложив свой хвост вдоль спины в виде вопросительного знака. Неожиданно он делал чудовищный прыжок, с треском и шумом врезаясь в ветви инжира. Здесь самец снова замирал на некоторое время и снова осматривал луг, а затем срывал первый плод и повелительным тоном громко выкрикивал: «Оинк, оинк, оинк!» В тот же миг лес, казавшийся позади него вымершим, оживал. Мартишки выпрыгивали из своих укрытий и бросались в ветви инжира. Они ворчали и скрипели друг на друга. У многих самок висели прильнувшие к их животам крошки-детеныши. Когда матери взвизывали в очередном прыжке в воздух, слышно было, как малыши пронзительно кричали, и трудно было понять, от страха они кричали или от радости.

Мартишки рассаживались на ветвях и начинали есть зрелые плоды. В это время с криками со всех сторон появлялись птицы-носороги. Они с ходу врезались прямо в гущу сучьев и веток. И начинали опустошать их. Птицы подбрасывали в воздух оторванные плоды так ловко, что, падая, они с поразительной точностью попадали в широко раскрытые клювы. Но они не были такими бессовестными транжирами, как мартишки. Птицы съедали каждый сорванный плод, мартишки же откусывали от каждого инжира только маленький кусочек и, швырнув его на землю, тут же тянулись к следующему. Через полчаса земля под деревьями была сплошь усыпана наполовину съеденными фруктами, а мартишки умчались в лес, перекликаясь друг с другом теперь уже каким-то довольным тоном: «Оинк-оинк!» Птицы-носороги задержались еще немного, чтобы схватить и бросить в широко разинутые клювы по одному плоду, а затем устремились вслед за мартишками.

По мере того как затихали вдаль звуки от ударов их крыльев, на место инжирной трапезы последовали новые посетители. Они были настолько малы и появлялись из длинной травы так внезапно и неслышно, что если бы у меня не было полевого бинокля и я не ждал их заранее, то, пожалуй, мог бы не заметить постороннего присутствия. Это были маленькие полосатые мышки с длинными хвостами. Они обитали

среди пучков травы, в корнях деревьев и под крутыми боками валунов, рассыпанных по опушке. Ростом каждая из них не превышала обычной домово́й мыши. Гладкий лоснящийся мех крошек был окрашен в желтовато-коричнево-серый цвет и украшен отчетливо выделяющимися беловато-кремовыми продольными полосами, идущими от носа до самого хвоста.

Небольшими перебежками мышки неторопливо выбирались из зарослей травы. После каждого очередного броска они садились на корточки и, сжав свои розовые лапки в крошечные кулачки, затаивались. Носы и усики маленьких зверюшек часто трепетали, пока они нюхали воздух, стараясь убедиться, что поблизости нет врагов. А их полосатые шкурки, красивые и яркие, когда мышки прыгали, среди стеблей травы делали крошек невидимыми на фоне травинок.

Птицы-носороги никогда не упускали возможности полакомиться мышкой, поэтому полосатые создания не спешили. Только точно убедившись, что птицы действительно улетели, они с серьезным видом принимались есть фрукты, которыми мартишки щедро усыпали под деревьями всю землю. Не в пример другим лесным мышам, эти крохи вели себя довольно задиристо и часто спорили из-за лакомого кусочка. Усевшись на корточки, они бранили друг друга, выражая свое неудовольствие тонкими пронзительными писками. Иногда две мышки хватились за один и тот же плод и тянули его каждая к себе, да так сильно, что их розовые лапки зарывались в слой прелых листьев. Если инжир оказывался очень спелым, то иногда разрывался пополам, и обе мыши опрокидывались на спины. Однако ни одна из них не выпускала из крепко сжатых лап свой трофей. Затем мышки с самым миролюбивым видом усаживались рядышком, буквально в нескольких сантиметрах одна от другой, и съедали свои порции. Случалось, какой-нибудь неожиданный звук пугал их, тогда они подпрыгивали строго вверх примерно на пятнадцать сантиметров, будто их кто-то приподнимал на невидимой ниточке. Опустившись на землю, они сидели встревоженные, пока не убеждались, что опасность миновала, и после этого вновь начинали браниться и ссориться из-за пищи.

Однажды вечером я стал свидетелем трагедии, постигшей компанию полосатых мышшек. Они ссорились, как всегда, из-за пустяков, собирая обезьяны обедни. Неожиданно из леса появилась генетта. Наверное, генетта — одно из самых ловких и прекрасных хищных животных, каких только можно найти в лесах. У нее длинное гибкое тело и мордочка как у кошки. Красивый золотистый мех генетты густо украшен полосами, образованными из черных пятен,

а длинный хвост раскрашен поперечными белыми и черными кольцевыми полосами. Это животное никогда не попадает на глаза утром или днем, потому что генетта охотится вечером или ночью. Наверное, в этот раз я увидел генетту, которой на охоте не повезло, и поэтому ей пришлось утром рыскать по лесу в поисках добычи, чтобы набить свой пустой желудок. Выскочив на опушку леса и увидев полосатых мышек, генетта плотно прижалась к земле и так плавно и стремительно рванулась вперед, что оказалась среди грызунов прежде, чем они успели понять, в чем дело. Почувствовав неладное, мышки, как всегда они это делают в таких случаях, подпрыгнули высоко вверх, а затем, шлепнувшись на землю, бросились врассыпную. Но генетта — хищник слишком стремительный, чтобы от него можно было спастись.

К полудню все в округе постепенно затихало под горячими лучами солнца, и даже непрекращающиеся крики цикад приобретали, казалось, сонливую ноту. Настало время полуденного отдыха, и теперь мало каких животных можно было увидеть. На лугу в это время появлялись одни только сцинки, очень любящие тепло. Они прибежали на солнцепек, чтобы насладиться покоем у нагретой скалы или полакомиться саранчой и цикадами. Эти бриллиантовые ящерицы сверкали так, будто их только что покрыли ярким свежим лаком. Кожа сцинков напоминала мозаичную картину, выполненную из сотен крошечных чешуй, окрашенных в вишнево-красный, кремовый и одновременно местами в черный цвета.

Сцинки резво сновали между пучками травы, мерцая на солнце своей блестящей шкуркой, всем своим видом напоминавая каких-то сверхъестественных огненных созданий. Кроме этих ящериц, на лугу не удавалось увидеть почти ничего живого до тех пор, пока солнце не склонялось к горизонту и в воздухе не становилось чуть прохладнее. Обычно в эти часы покоя я доставал свои припасы и утолял голод.

Но однажды в обеденный перерыв я стал свидетелем совершенно необычной комедии. На древесный ствол, внутри которого я сидел, не дальше чем в двух метрах от меня выползла из спутанных зарослей огромная, размером с яблоко, улитка. Медленно, с трудом, но с самым величественным видом она поползла вверх по стволу. Интересно было смотреть, как улитка крутила своими рожами. На самой их верхушке сидели глаза, в которых застыло какое-то удивленное выражение. За улиткой остался извилистый след.

Вдруг неподалеку резко раздвинулись сцепившиеся стебли вьюнков, и на дереве с важным видом показалось крошечное создание длиной всего-навсего с сигарету с

иссиния-черным мехом. Передо мной оказалась одна из лесных землероек. Храбрость этих животных неправдоподобна, а аппетит ненасытен. Если кто-нибудь живет на свете только для того, чтобы есть, то это землеройка. Всем своим видом это животное напоминало миниатюрную черную ищейку. Тихонько попискивая, землеройка быстро потрусила за улиткой и очень скоро нагнала ее. Громко пискнув, хищница набросилась сзади на выступавшую из раковины часть тела улитки и вонзила в нее зубы. Улитка же, обнаружив такое неожиданное и бесцеремонное нападение на себя с тылу, сделала единственное, что было для нее возможно в такой обстановке, — она быстро втянула в раковину все свое тело. Это произошло так неожиданно, что, когда хвост улитки исчез внутри, землеройка с силой врезалась в раковину мордой и, разжав зубы, отпустила свою жертву. Улитка, которую теперь ничто не удерживало в равновесии, упала на бок, а землеройка, взыв от разочарования, бросилась вперед и сунула голову внутрь раковины, торопясь вернуть ускользнувшую от нее добычу. Однако моллюск уже приготовился к такому нападению, и, как только голова землеройки сунулась в отверстие раковины, улитка приветствовала непрошеную гостью целым фонтаном зеленовато-белой пены, которая запузырилась вокруг, забивая нос и обволакивая всю голову землеройки. Ошарашенный зверек отпрыгнул и оттолкнул от себя раковину. Улитка покачалась на месте несколько мгновений, а затем закрутилась на боку и укатилась в заросли под бревно.

А в это время почти обезумевшая от ярости землеройка сидела на своих задних лапах, непрерывно чихала и пыталась стереть со своей морды пену. Все это происшествие было настолько нелепым, что я не удержался и громко захохотал. Услышав тревожный звук, землеройка бросила в мою сторону торопливый и испуганный взгляд, прыгнула в траву и поспешила прочь.

К вечеру, когда жара несколько спадала, в лесу снова начинала просыпаться жизнь. Наблюдать за животными становилось постепенно все труднее: сгущались сумерки, лес становился мрачным. Правда, если повезет, еще можно уловить силуэты каких-нибудь ночных животных, осмелившихся так рано выйти на свой промысел. Лес продолжал жить, он весь вибрировал от бесчисленных чуть слышных шорохов и шелестов, пискон, похрюкиваний и стуков. Это принялись за дело населяющие его ночные животные.

Я поднялся на ноги, с трудом выпрямил затекшие руки и ноги и, едва передвигаясь, направился через лес домой.

Дж. Даррелл

Перевод с английского Н. Новоботовой

Рис. В. Карабута

**СЕГОДНЯ, КАК ВСЕГДА, В
КЛУБЕ ПОЧЕМУЧЕК:**

**УВИДИТЕ НЕВИДАННОЕ,
УЗНАЕТЕ НЕСЛЫХАННОЕ,
ПОЛУЧИТЕ ОЧЕРЕДНОЕ
ЗАДАНИЕ.**

**ОСТОРОЖНО: ПИОНЫ
ДИКОРАСТУЩИЕ.**

**БАНДЕРОЛЬ ИЗ ЗАТЕРЯН-
НОГО МИРА.**

КАК ЗЕВАЕТ БЕГЕМОТ.

**РАСТУТ НА ДЕРЕВЕ...
КОНФЕТЫ.**

Пожалуй, даже Почемучки, привыкшие к самым неожиданным вопросам, удивятся, если их спросить, собирали ли они конфеты на деревьях. Что это за конфеты и где они растут, вы узнаете из рассказа кандидата биологических наук Майи Тимофеевны Мазуренко.

Конфетное дерево

На Черноморском побережье Кавказа растет высокое дерево из семейства крушиновых. Настоящая родина его — Китай и Япония, а у Черного моря оно появилось не более 60 лет назад. Называется дерево говения сладкая. Его разводят не только в ботанических садах и парках, очень часто дерево сажают любители в садах. Цветочки у говении мелкие, невзрачные, листья обыкновенные, не то что у вечнозеленой магнолии или тюльпанного дерева. Растет дерево быстро и может затенить своих соседей.

Чем же тогда привлекает садоводов говения сладкая, или конфетное дерево?

Есть у этого растения свой замечательный секрет. В середине ноября, как и у многих растений, у говения сладкой желтеют и опадают листья. Опали листья, а на ветках остались какие-то рога. Дерево высокое, с земли и не разглядишь, что это там висит. Птицы подлетают и клюют что-то. В начале декабря рога начинают падать. Вот теперь их можно рассмотреть. На длинных цветоножках, иногда 30—40 сантиметров, сидят маленькие, круглые, совсем сухие и не очень приметные коробочки. Это плоды. Разломишь коробочку, а внутри блестящие красивые семечки. Там, откуда свисает маленький круглый плод, разрослась цветоножка — мясистая, темно-оранжевая. Она то и напоминала рога, когда мы смотрели на нее снизу. Цветоножка сладкая, вкусная. Осенними днями мальчишки забирают на деревья за этими конфетами, собирают их под деревьями и большими связками вешают дома. Немного подвяленные цветоножки становятся еще вкуснее. Так же поступают с ними в Китае и в Японии, где говения сладкая растет в лесах. Мясистые цветоножки используют как начинку для пирогов. Она напоминает по вкусу ядро грецкого ореха, только слаще и вкуснее!

Ничего не скажешь — красавец цветок!

Тот, кто мимо пройдет, не утерпит — сорвет. А цветов от того все меньше и меньше становится. Глядишь, и вовсе исчезнет пион узколистый, так зовут его, а расскажет о нем сотрудник Ботанического сада МГУ Марианна Сергеевна Успенская.

Пион узколистый

Он растет в степных районах европейской части СССР, встречается на Кавказе и в Крыму. Весной, когда в степи одновременно цветут ярко-розовый миндаль, желтый адонис, фиолетовая сон-трава, распускает свои красные цветки и пион. В отличие от большинства других видов у пиона узколистого листья сильно рассечены, словно состоят из узких ленточек. Над кружевом листвы поднимается крупный ярко-красный блестящий цветок. У основания пестика находится нектарник в виде бугорка. Желтые тычинки окружили крупные мохнатые плодолистики, составляющие пестик. Когда в конце лета созревают коричневые, блестящие, похожие

на угловатые горошины, семена, плодолистики раскрываются, словно створки раковины, и семена высыпаются.

Пионы долгое время относили к семейству лютиковых. Теперь за некоторые особенности строения цветка их выделяют в самостоятельное семейство пионовых.

Красив цветущий пион. Надолго в памяти останутся большие заросли этого растения. Покоряет контраст темно-зеленой ажурной листвы и плотных красных лепестков. Все пионы, растущие в СССР, а их тринадцать видов, в пору цветения очень нарядны. Люди рвут цветы для букетов, выкапывают как лекарственное растение. Пионам грозит полное исчезновение, если их не охранять. Они занесены в Красную книгу редких и охраняемых растений. Многие ботанические сады и любители выращивают красиво цветущие дикие пионы, разрабатывают приемы выращивания их в садах и парках.

ПОЧЕМУЧКИ, ВАМ ДАЕТСЯ ЗАДАНИЕ: ВЗЯТЬ ПОД СВОЮ ЗАЩИТУ И ЭТОТ ЦВЕТОК, КАК ВЫ ОБЕРЕГАЕТЕ КУВШИНКУ БЕЛУЮ.

ИТАК КОНКУРС «ОСТОРОЖНО» ПРОДОЛЖАЕТСЯ. НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ПИОН УЗКОЛИСТЫЙ. ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ.

Конечно, вы знаете фантастический роман Конан-Дойля «Затерянный мир».

А вот что за посылку получил Виктор Федорович Козлов и почему она из затерянного мира, вы узнаете, когда прочтете его рассказ.

Бандероль из затерянного мира

В 1910 году в междуречье Риу-Негру и Риу-Бранку путешествовал берлин-

ский торговец орхидеями Якоб Вёрнер. Однажды коллекционер разбил лагерь на берегу Риу-Бранку. Неожиданный вопль проводника привлек его внимание. В руках индейца Вёрнер увидел гигантского красно-бурого жука, которого он извлек из брюха огромной рыбы. Не знал Вёрнер, что еще в 1778 году Карл Линней описал этого двадцатисантиметрового, самого крупного жука мира и назвал его — титан гигантский. Причем Линней не видел самого жука, а описал его по изображе-

нию в атласе. В течение двух столетий никто не находил живых титанов, и только в 1958 году одной научной экспедиции впервые удалось поймать этих жуков в горных лесах Гвианы.

У истоков рек Риу-Бранку, Мапуэры, Кафуини лежат наименее исследованные районы Амазонии — великой амазонской гилей — крупнейшего в мире массива тропических лесов. Загадочные неприступные горы с необычными плоскими вершинами хранили много тайн и послужили Конан-Дойлю основой для замысла фантастического романа «Затерянный мир».

Однажды мне пришла бандероль от друзей — французских энтомологов. Можно понять восторг, когда, раскрыв пакет, я обнаружил множество жуков-дровосеков, собранных в бесконечных лесных дебрях Амазонии. В посылке не было титана, но это меня не огорчило: присланные дровосеки оказались не менее интересными.

Немного уступавший в размерах титану из Гвианы красно-бурый с красивыми черными полосами и огромными челюстями большезуб рогатый (1) вредит ценным породам деревьев. Огромная личинка пятнадцатисантиметрового гиганта дырявит стволы сейбы и балсы. Из мягкой прочной и очень легкой древесины этих деревьев индейцы строят плоты. Знаменитый «Кон-Тики», на котором Тур Хейердал и его соратники совершили переход через Тихий океан, был изготовлен из балсы.

Необыкновенно гармоничный иероглифический рисунок тела арлекина, за который жук получил название у коллекционеров, пользуется большим успехом у местного населения. Индейцы копируют его на своих украшениях и щитах. Арлекин, или акроцин долгорукый (2), живет на различных видах фикусов. Он сильно вредит плантациям инжира и цитрусовых. Научное название арлекин получил за необычно длинную переднюю пару ног самца. Долго оставалось неясным, зачем они жуку. Оказывается, он использует их в борьбе с соперниками. Ухаживая за самкой, жук выпрыскивает в воздухе такие пируэты, что ему позавидует хороший клоун. Таков ритуальный танец.

И еще интересно. На брюшке арлекина под его прочными надкрыльями постоянно живут небольшие скорпионы. Они питаются паразитами жука — мелкими гамазовыми клещами, которые сильно мучают гиганта. При полете семисантиметрового арлекина возникает воздушная струя, но скорпионы прочно захватывают клещами сегменты

брюшка в нижней части тела жука и таким образом удерживаются на нем, а клещи выпускают особый секрет и приклеиваются. Кончился полет — клещи выделяют жидкость, растворяющую клейкий секрет, и по-прежнему нападают на жука, а скорпионы охотятся на клещей. И все довольны.

Словно елочные украшения, сверкают всеми цветами радуги жуки-дровосеки, и очень обидно, что такие красивые существа так вредят деревьям, что те гибнут. Странные корявые ородеры (3), альфусы, гипсиомы, анцидересы подражают рисунку коры деревьев, на которых они обитают. На теле трипанидиуса андийского (4) из боливийских горных лесов — рисунок различных плесневых грибов. Коренастое плотное тело онихоцеруса грубого (5) покрыто выростами, бугорками, извилинами и так походит на кусок коры, что заметить его, даже когда он двигается, трудно.

У всех жуков прекрасные длинные усы. Ученые установили, что на усах располагается великое множество чувствительных органов. В них заключены сенсорные, или чувствительные, клетки. Они передают жуку информацию о состоянии здоровья дерева по изменению температуры. Оказывается, большое дерево «температурит», а жуки откладывают яйца только на заболевшие деревья. Улавливая инфракрасное излучение, самки дровосеков чувствуют разницу температуры даже в десятые доли градуса. У самцов усы длиннее, чем у самок. Длинные усы помогают им найти самку на большом расстоянии. Эту особенность ученые думают использовать для борьбы с вредными видами дровосеков.

Интересный рассказ о бегемоте для вас, Почемучки, подготовил Игнатий Владимирович Зозоля.

Зевает гиппопотам

Знаменитое зеванье бегемота связано, оказывается, не только с позой угрозы, как раньше считалось. Во время переваривания пищи в кишечнике животного скапливаются газы. И выпускает их гиппопотам необычным путем — через рот. Самки и молодежь для этого лишь приоткрывают пасть, а голову держат прямо. А вот самцы поднимают ее высоко вверх, демонстрируя могучие клыки. А они у бегемота удивительные: не имеют корней и растут в течение всей жизни, достигая иногда колоссальных размеров. Наибольший из извест-

ных клыков превышал 64 сантиметра! Кстати, клыки бегемота ценнее прославленных слоновьих бивней.

Взрослые животные весят порой более трех тонн.

Примечательно, что бегемоты не болеют смертельной для домашних животных болезнью, которую переносит близкая родственница мухи цеце. Они употребляют в пищу непригодную для скота растительность и не превращают и без того бедные африканские почвы в пустыню, как это делают домашние животные.

Наблюдательные Почемучки непременно обратили внимание на поведение крохотного жучка — божьей коровки. Стоит взять ее в руки, как она тотчас подожмет лапки. Неживая, да и только. А ведь ее никто обижать и не думал.

Что же случилось? А вы послушайте рассказ кандидата медицинских наук М. Е. Бурно.

Лягушка и гипноз

Божью коровку достаточно просто взять в руки — она подожмет лапки и замрет, словно мертвая. То же самое произойдет и с лягушонком, если неожиданно резко перевернуть его на спину.

Подобный опыт описал в XVII веке римский профессор Анастасий Кирхер. Он укладывал курицу, связав ей ноги, на пол, и крепко держал ее так, пока та не успокоится. Затем проводил мелом по полу возле головы курицы черту и отпускал ее. Курица лежала не двигаясь, даже когда ее слегка толкали и кололи иголкой. Кирхер объяснил это силой воображения курицы: будто она, приняв меловую черту за привязь на шее, перестает сопротивляться. Многие исследователи повторили этот опыт. Хотя ног курице не связывали и меловой черты у головы не проводили, курица цепенела по-прежнему.

Русский физиолог Василий Яковлевич Данилевский в конце прошлого века приводил в подобное оцепенение кроликов, воробьев, голубей, раков, неожиданно помещая перед их глазами кольцо, спичку. Обездвиживал рыб, подержав их некоторое время в воде вверх животом. Биологический смысл этого оцепенения (ступора) раскрыл Иван Петрович Павлов в 1921 году в статье «О так называемом гипнозе животных». Он писал, что «перед огромной силой, при встрече с которой для животного нет спасения ни в борьбе, ни в бегстве,

шанс остаться целым — именно в неподвижности...»

Итак, подобное оцепенение животных порождается, например, неестественной позой, в которую неожиданно и насильно привели животное, или необычным предметом, который держат перед глазами, особенным звуком (многие животные цепенеют от грома). Неожиданность в природе нередко опасна для животного, и потому выработалось защитное оцепенение.

Как и другие инстинктивные бессознательные реакции, защитное оцепенение и спасает и губит. Спасает зверька в лапах хищника, брезгующего мертвиной, но губит остолбеневшего в горящем доме пса.

Почемучки продолжают рассказывать о реликтовых растениях своего края. Сегодня слово предоставляется Неле Маковельской.

Чилим

Мы вышли к реке Жиздра и пошли вдоль берега.

— Как пройти на озеро? — спросили мы у одного рыбака.

— Рыбачить?

— Нет. Мы хотели бы увидеть реликтовое водное растение чилим.

— Какое? — переспросил он.

Мы объяснили подробнее. Рыбак радостно закивал:

— Так бы и сказали. Рогульник вас интересует. Как же, имеется такой. — Он нагнулся, подобрал валяющуюся щепку и тут же у самого среза воды на спрессованном влажном песке стал чертить план.

К озеру вышли в сумерках. Над водой курился туман. Пала обильная роса — предвестник хорошей погоды. Спешно поставили палатку, поужинали и легли спать.

Разбудил нас шум. Кто-то гремел пустыми консервными банками. Приоткрыли полог палатки. Метнулись две тени. Это бродячие собаки, привлеченные запахом пищи, откопали консервные банки и вылизывали остатки.

Было очень рано, но спать не хотелось. На востоке, над темной стеной ле-

са, появилась светлая полоска. Она ширилась, росла, а потом окрасилась в золотистый цвет. Подул теплый ветерок, и сонное оцепенение озера нарушилось. Торжественно и величественно над лесом поднимался оранжевый диск солнца.

Поиски чилима продолжались недолго. Вскоре мы увидели знакомые по описанию тяжелые розетки листьев на поверхности воды и стебли, уходящие в глубину. Между листьями белели небольшие цветки.

О чилиме мы узнали довольно много. Чилим, или водяной орех, — растение реликтовое. В Калужской области оно встречается по озерам и старицам по реке Жиздре.

Когда-то чилим был широко распространен в наших краях, но в настоящее время является вымирающим растением.

Чилим — растение однолетнее. Орех зимует на дне водоема и весной прорастает, сохраняя связь с рогатой скорлупой.

Стебель достигает поверхности воды. Он бывает до двух метров длиной. На конце стебля развиваются листья, образуя розетку, которая держится на поверхности воды за счет воздуха, находящегося в полостях черешков листьев.

В конце лета созревают орехи и падают на дно. В этот период, закончив цикл развития, отмирает и все растение. Скорлупа ореха имеет выступы в виде рожек, поэтому это растение часто называют рогульником. Есть у него и греческое название. В переводе на русский язык оно означает «капкан». Это название растение получило за длинные стебли, в которых можно запутаться. Нам повезло: мы застали чилим в пору цветения.

На этом очередное заседание Клуба заканчивается. Ждем вас, дорогие друзья, на этих же страницах в следующем месяце.

МЕСТЬ

На одном из островов, в нескольких километрах от советской антарктической станции Мирный, гнездятся пингвины Адели. Когда появляются птенцы, похожие на серые пушистые шарки, взрослые птицы собирают их вместе и тщательно оберегают от своих лютых врагов поморников.

Эти разбойники хотя и питаются рыбой, как и пингвины, но при случае стараются схватить и пингвиненка, если сторожа заведуются.

Каждое утро обитатели колоний оставляют несколько взрослых птиц сторожить птенцов, а самиковылают по льду, забавно растопырив свои кудрые крылышки-ласты, как руки, чтобы сохранить равновесие. Они идут к воде, ныряют в нее и плавают так же ловко, как и дельфины. К вечеру, наевшись, гуськом возвращаются домой, неся в зобах пищу и для детей и для сторожей. Так повторяется ежедневно, пока птенцы не вырастут и не пойдут к океану вместе с родителями.

Мы пришли к острову на теплоходе в январе, в разгар южного полярного лета. Ледокол провел нас через плавающие льды и пояс айсбергов и оставил у кромки припая ожидать, пока он пробьет канал к самому Мирному.

Тропы пингвинов пролегли рядом с нашим теплоходом. Поморники летали всюду, и наши матросы одного из них подстрелили. Он упал замертво недалеко от борта корабля вблизи пингвиной тропы.

И вот вечером появились они, идущие от кромки льда на остров. Пингвины Адели очень любопытны, как и прочие их собратья. Конечно, их внимание привлеч предмет на льду.

Когда они разобрались, что это лежит их враг, то каждый сошел с тропы и клюнул его, бездыханного и уже неопасного.

Солнце встало рано, часа в два утра, так как ночи еще только начинались, но пингвины уже шли к океану по той же тропе. И все повторилось, как и накануне. Каждый подходил к поморнику и, клюнув его, направлялся дальше. Возвращаясь вечером, они все делали то же самое.

Мы стояли в канале три дня, и все эти дни повторялось одно и то же. Поморник лежал замороженный и затвердевший, а они все клевали и клевали его.

На четвертые сутки ветер взломал припай вокруг нас и льдину с поморником унесло, а пингвинам уже не нужно было ходить далеко к кромке льда. Океан подступил к самому острову. А то неизвестно, сколько еще длилась бы эта странная месть.

П. Куянцев

**Путешествие
к
Чар-озеру**

Лес захлебывается дождем. Это не грибной, летний дождь, это осенний, таежный, из тех, что могут идти и неделю, и две. Волокна облаков мешаются с туманом. Влага течет по елям.

Вместо тропы жидкая грязь, так что лучше прыгать с одного скользкого корня на другой, избегая бочажин. Тропа поднимается из чернолесья на косогор, и здесь словно теплее становится — так горячо полыхают осенние цвета осинника: алый, оранжевый и желтый, оттененные чернью.

На глинистом склоне следы двух лосей. Большие и поменьше. Чуть поодаль когтистый след медвежьей лапы. Это старые знакомые. Я встречался с ними весной.

В памяти четко, словно освещенная каким-то светом, возникла прошлая весенняя встреча с тайгой.

Зеленый и седой мох затопил лес. Казалось, что когда-то здесь случилось ужасное — вековые деревья внезапно рухнули на землю. Потом в тесных промежутках меж ними пророс новый лес — ели, пихты, кедры, вырос, стал большим и снова упал на землю, и снова через чудовищные завалы пророс лес, а потом все это мягкими волнами затопил мох.

Кое-где он всплесками достал до нижних ветвей, до их косялого переплетения и свесил оттуда свои седые бороны.

Лес был мрачен, и, хотя где-то сверху скользили веселые лучи, вокруг было темно, тихо и холодно. Обширные пятна снега, крупитчатого и серого, сочились холодной водой, которая, звеня, собиралась в ручьи и дальше в оврагах — в ревущие ледяные потоки.

Раньше здесь была тропа. Человек с топором прошел, делая на стволах зарубки справа и слева, по две на каждом стволе, чтобы они были видны идущему и с той и с другой стороны.

Со временем зарубки стали зарастать. Ель, пихта и кедр затягивали их смолой — золотисто-голубой и пахучей. Березы сдвигали с краев зарубки твердые валики из коры до тех пор, пока валики эти не сомкнулись, оставив на дереве продольный рубец, подобный стиснутым губам.

На земле тропу можно отыскать иногда по слабой вмятине, по оторванному от упавшего ствола куску коры со мхом-мшиной, по следам когтей или копыт, потому что тропой пользовались не только люди.

Тропа становилась то ложем ручья, то скрывалась под снегом, то ныряла под завал, то шла через овраг по мшистому дереву, то, наконец, исчезала, казалось, совсем, и тогда один из нас оставался возле последней ясной зарубки, а другой шел отыскивать следующую где-нибудь метрах в пятидесяти, потому что деревья с ближайшими зарубками сгнили и на них ничего

МОЯ РОДИНА-

уже нельзя разобрать. Изредка мы отдыхали на упавшем стволе, на широкой мшистой его спине, и тогда слышали, как под корой стрекочут просыпающиеся насекомые.

Занимались мы в тайге странным на первый взгляд делом — слушали и считали птиц. По такому ежегодному учету, по количеству тех или иных птиц можно косвенно следить за тем, как живет тайга. Так врач, положив пальцы на руку человека, по пульсу может судить о его здоровье.

Потому-то все эти птичьи песни и считал на каждом километре пути мой спутник, орнитолог Дима. Потому мы и прыгали через сугробы, набирая полные сапоги снега, путались в лесных зарубках

и все шли и шли на восток к Уралу, стараясь не отстать от весны.

Она запоздала. Птицы прилетели, когда вокруг лежал снег, и теперь они пели. Пели, словно в зеленом подмосковном лесу, и мы спешили, чтобы успеть, ведь они будут петь только до тех пор, пока не появятся птенцы, а потом свадебный птичий хор умолкнет.

Учету мешал дождь. Тогда многие птицы замолкали. И совсем пропавшими были ветреные дни. Тогда тайга гудела и выла. В высоте мотались верхушки елей, украшенные «ведьмиными хвостами» — странными пучками сухих ветвей. Время от времени слышался не то вздох, не то стон, потом треск и грохот — это падали старые деревья. Этот шум заглушал птичий голос, песню выюрка, стрекот синехвостки, тиканье гаечки.

В такой день мы и вышли к тихой воде Чар-озера.

Позади стонала под ветром тайга, а здесь, в низине, стыла сизая гладь, и только куличок-перевозчик, трепеща крыльшками, летел над самой водой, легкий, словно бабочка, да еще взлетели и пошли кругами над озером лобастые гоголи.

Среди мхов и пней, под соснами, притаилась избушка, и чем-то таинственным пахло на нас, так сказочен был он, этот отмеченный на картах приют охотников и лесников.

Избушка встретила холодом и запахом гнили. На лавах, в берестяных коробичах лежала сырая соль и плесневелая крупа, на топчане громоздились тяжелые, как железо, лосиные шкуры. Видно, давно здесь никого не было, но кто-то заботливо сложил дрова, приготовил бересту и спички, и скоро печка у нас загудела, став на время как бы третьим живым существом.

Изда потеплела, стала ласковой, и скоро мы уже забрались в спальные мешки, но вместо городских снов перед глазами в тысячный раз громоздились замшелые деревья и пни, даже во сне нужно было отыскивать тропу, прыгать через сугробы, и странным все это казалось, потому что уже наступил июнь.

Всю ночь кто-то большой ходил возле избы, останавливался около двери и дышал. Слышалось все это сквозь сон, но мелькнула все-таки мысль, что неспроста во всех таежных избушках дверь открывается наружу.

Мы спали, когда вечер, минуя ночь, перешел в утро, и в четыре часа были на ногах.

Птицы уже пели. В голубом воздухе среди зеленых лап слышались их утренние голоса. Сияющее солнце прогнало колдовскую жуть этого места, сосновые иглы сверкали как стеклянные, лесная подстилка похрустывала под ногой, лужицаши с мозаичным дном из мха и прошлогодних листьев искрились стрельчатым льдом.

У самого берега, нагнувшись к воде, стоял кто-то в черном. И когда я, недоумевая, шагнул ближе (других людей здесь не должно быть), тот, в черном, будто брошенный неслышным взрывом, метнулся вверх по склону. Успел разглядеть только блестящую шерсть и черные ступни. И так непохож был этот подвижный зверь на тех увальней-мишек, которые сидят, часами раскачиваясь, в клетках зоопарка, что я сначала засомневался, и только крупные, настоящие медвежьи следы убедили меня окончательно, да так, что задним числом мороз прошел по коже — так длинны и изогнуты были отпечатки его когтей. Этот же след попался нам и дальше, в конце маршрута. Та же когтистая лапа перекрывала свежий лосиный след, другой же лосиный след отыскался далеко — следствие безумной скачки. За кустами что-то происходило, слышался треск и хrap, потом мелькнули

лосиные ноги, и все стихло. Только пере-кликались в темноте хвой певчие дрозды — чай пить, чай пить, да верещала, постукивая, словно швейная машинка, пеночка-таловка. Запыхавшись и ничего не понимая, мы шли, потеряв спасительную тропу, прислушиваясь к каждому шороху. И вот над тайгой, неизвестно откуда, пронесся глухой стон, казалось, такой древний, будто стонала сама тайга.

Потом послышался другой стон, совсем близкий и негромкий, и вслед за ним, смешно переламывая в коленях тонкие ножки, из кустов вышел лосенок. Вышел застенчиво, как-то боком, пощипывая начавшие распускаться листочки рябины. Не понимая еще, кто друг, а кто враг, он стоял в пяти шагах от нас, и мучительно хотелось потрогать нежно-рыжую, почти палевую его шкурку. Но именно этого нельзя было делать. Лосиха могла не принять лосенка, пахнущего человеком, и мы осторожно пошли прочь.

Лосенок посмотрел бессмысленными голубыми глазами нам вслед, а потом, постанывая, побежал догонять. На языке науки это называлось рефлексом следования. Повинуясь ему, зверята не отстают от родителей в лесу. Пришлось прятаться, уползая на животе, хотя и неприятно было, что мы обманываем этого несмышленыша, а вокруг медведь бродит. Он-то церемониться не станет. И мы облегченно вздохнули, когда мелькнули за кустами большие лосиные уши.

Нашлись и затески, постепенно распутывалась дорога домой, пока не блеснуло холодным своим светом впереди Чар-озеро.

Тайга жила своей обычной жизнью, и мы, казалось, были чужды ей. И вот что она показала нам напоследок, перед тем, как солнце коснулось елей.

Над головой кружила скопа-рыболов — могучая птица с когтями, замкнутыми почти в кольцо. Такими удобно удерживать скользкую рыбу. Мы не раз видели ее охоту, когда она падала на рыбу, иногда скрываясь в воде, а потом, тяжело взмахивая крыльями, взлетала, таща хариуса или щуку. Вот и теперь скопа упала в воду, но, видно, не по ней оказалась добычей. Мелькнула огромная щука спина, а потом вода поволновалась в этом месте и стихла. Не смогла скопа разжать намертво влипшиеся когти, и щука, смертельно раненная, ушла в глубину со скопой на спине.

Мы стояли на берегу, пораженные этой мгновенной и бесшумной трагедией. Непривычно светлая ночь была пронизана тонким туманом, голосами кукушек. Лес плакал каплями дождя. Медленно про-

плыла пара бобров — две черные точки на светлой воде и волны, расходящиеся клином, — и странны были эти скрытные звери, спокойно пересекающие водную гладь. Пахло сыростью, а потом из небольшого распада потянуло запахом, таким нежным и чистым, что, не сговариваясь, мы кинулись туда.

На берегу ручья рос куст волчьего лы-

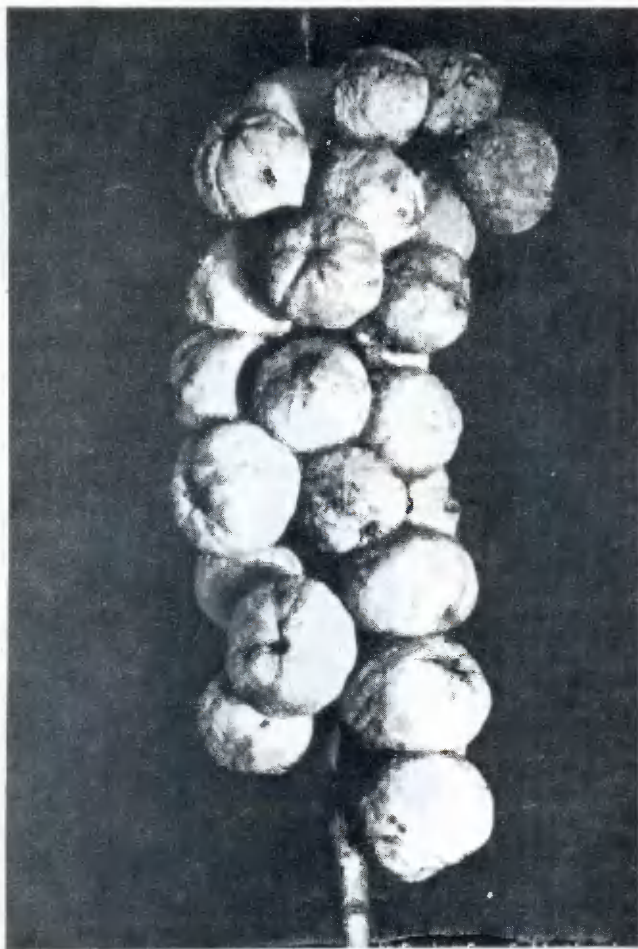

ка. Листьев еще не было, но веточки его осыпали нежные сиренево-розовые цветки.

Цвело волчье лыко, ядовитое и прекрасное, и казалось, красота его вобрала в себя всю прелесть этих диких и опасных мест: чистоту рек, яд комариных болот, мрачность вековой тайги и вместе с тем необыкновенную свежесть таежного края.

Мы ушли в избушку, не тронув цветы. А загадочный стон, что иногда слышался из тайги, оказался голосом особой «глухой кукушки». Их там очень много — и «глухих», и обыкновенных, в уральских предгорьях, тогда, когда наступает июнь.

В. Есаулов
Рис. автора

Айва низкая

Этот небольшой кустарник с тонкими побегами, усеянный колючками, очень декоративен. Особенно привлекательна айва низкая весной и в начале лета, когда усыпана гирляндами ярких оранжево-красных цветков. А осенью кустарник покрывают зелено-желтые плоды, которые красиво смотрятся на фоне крупных блестящих кожистых листьев. Долгие зимние месяцы кусты скрыты под снежным покровом.

Родина айвы низкой — Япония. Здесь она растет на вершинах гор и по сухим склонам. Айва неприхотлива. Жарким летом прохладные волны самого

большого из океанов, набегая, ласкают подножия каменистых утесов, а в конце лета, будто вырвавшись из заточения, через Берингов пролив долетают сюда пронзительные холодные ветры Арктики. Шипя и пенясь, на склоны обрушиваются громадные водяные валы, разлетаясь на мелкие брызги. Часто моросит дождь, иногда вперемешку со снегом. И многочисленные побеги кустарника с ланцетовидными или обратнойцевидными листочками и с плотно сидящими ребристыми плодами, похожими на некрупные яблоки или груши, как бы спасаясь от холода, жмутся к скалам.

В нашей стране, в республиках Средней Азии,

растет родственница айвы низкой — айва обыкновенная.

Сближает их только общее название и одно семейство — розоцветных, в остальном это разные растения. Айва обыкновенная — дерево до 8 метров высоты — относится к роду цидония, кустарник айва низкая — к роду хеномелес.

У обоих растений плоды жесткие, с каменистыми клетками в мякоти. У айвы низкой они очень кислые и свежими не употребляются. Плоды айвы обыкновенной давно используются для варки варенья, джемов, в кондитерском производстве.

Проведенные ботаниками, биохимиками и кондитерами анализы плодов айвы низкой показали, что пектиновых веществ в них содержится больше, чем у айвы обыкновенной, — 12,2 процента на сухой вес, а сахара чуть более 5 процентов. В плодах айвы низкой найдены витамины С, Р. В варенье из плодов айвы низкой, обладающем специфическим ароматом и приятным кисло-сладким вкусом, сохраняется витамин Р.

Плоды айвы низкой хороши как начинка для конфет. Свежие плоды, разрезанные на тонкие ломтики, можно использовать вместо лимона.

Впервые в России айва низкая появилась лет сто назад и долгое время выращивалась только в ботанических садах. Ее использовали для низких живых изгородей, бордюров, высаживали одиночно на газонах. Ученые подумали: а нельзя ли выращивать айву низкую, привыкшую к суровому климату на родине, в северной зоне нашей страны так же, как выращивают айву обыкновен-

ную в республиках Средней Азии. Опыты показали, что кустарник этот отлично растет во многих местах нашей страны.

Айву низкую нетрудно вырастить из семян. В одном плоде их до 80 штук. Семена сохраняют хорошую всхожесть не менее двух лет.

При весеннем посеве семена следует в течение полтора-двух месяцев стратифицировать. Сеянцы зацветают на второй-третий год, а плодоношение наступает на третий-четвертый год. Цветы айвы низкой посещают пчелы.

При хорошем уходе пятилетние кусты дают до пяти килограммов плодов.

Айву низкую можно размножить зелеными черенками, корневыми отпрысками и делением кустов.

Это красивое и полезное растение заслуживает того, чтобы юннаты выращивали его на пришкольных и приусадебных участках.

Г. Байков

Деревья сажают по-новому

Если сажать деревья в обычную круглую посадочную яму, то вначале корни растут горизонтально, а затем ищут рыхлую почву и зачастую располагаются в ее верхнем слое. Иногда корни саженцев находятся так близко к поверхности почвы, что им не хватает влаги, и деревца гибнут. А если они и приживутся, то при обработке почвы в приствольных кругах часто эти корни получают сильные повреждения, а в суровые зимы вымерзают.

Кто наблюдал и изучал рост корней, тому известно, что корни большинства деревьев вытягиваются в ту сторону, где в почве больше питательных веществ. Зная это, можно за-

ставить корни расти в нужном направлении.

Как это сделать?

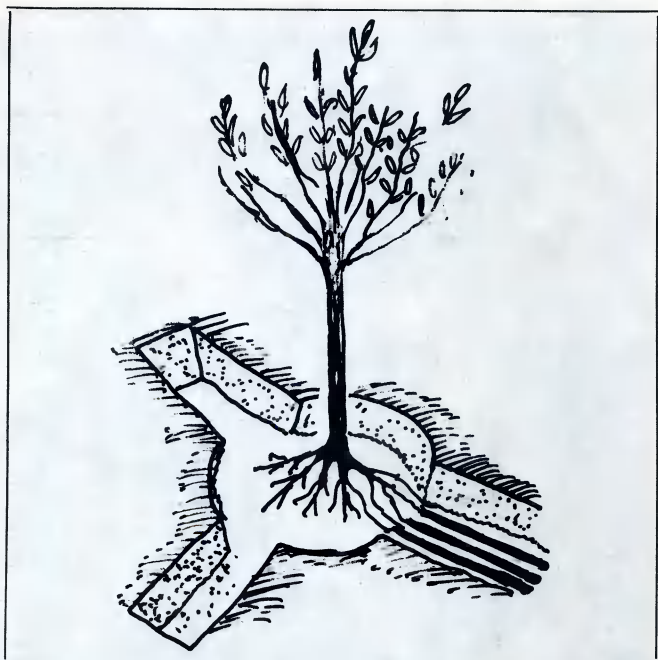
Выкопайте обычную круглую яму, а от нее в радиальном направлении на такую же глубину пролейте 3—4 канавки длиной 1—1,2 метра и шириной 18—20 сантиметров.

Из ольхи или ивы заготовьте жерди или прутья длиной 1—1,2 метра, диаметром 1—3 сантиметра и пропитайте их раствором, который состоит из аммиачной селитры (12—15 граммов), суперфосфата (25—30 граммов), калийной соли (12—15 граммов), гетероауксина — одна таблетка, сахара (20—

40 граммов) и воды (10—12 литров).

Погрузите жерди в раствор на 8—10 часов, потом подсушите их и при посадке дерева уложите по одной-две в каждую радиальную канавку так, чтобы жерди одной стороной касались корней саженцев. Остальные операции вам известны: корни расправляют, землю утрамбовывают. Не забудьте, что корневая шейка саженцев должна быть на 2—3 сантиметра выше уровня земли.

Попробуйте посадить несколько деревьев таким способом, а несколько обычным. Через 1—3 года

вы заметите, что саженцы, посаженные обычным способом, отстают в росте, а если через некоторое время откапаете канавку, в которую уложили жерди, то заметите, что на их месте выросли так называемые скелетные корни деревьев.

И. Марцинюк

Живой корм

Летом можно легко наловить для мальков аквариумных рыбок живой корм: коловраток, циклопов, дафний.

А что делать зимой? Оказывается, выход есть. Их можно развести самим. И дело это совсем несложное. Найдите лужу, в которой в изобилии кишела всякая живность — коловратки, дафнии, моины. Соберите ил со дна этой лужи и высушите его. Можно взять грунт со дна уже высохшей лужи. А зимой изпод снега. Хранят ил до весны обычно на холоде. Если этот ил положить в воду, то через 2—3 дня в воде появятся инфузории и коловратки, а через неделю моины и дафнии.

Для разведения живого

корма вам понадобится отдельный аквариум, куда наливают отстоянную водопроводную воду или воду из аквариума, где живут рыбки. На дно положите немного грунта из аквариума. Растения и песок не нужны. Чтобы пробудившиеся организмы размножились, вода должна быть чуть-чуть мутной. Для этого в воду к дафниям следует по мере надобности (пока их мало, раз в неделю, а позже ежедневно) вносить пипеткой тщательно разведенные пекарские дрожжи без комков. Излишек дрожжей может вызвать гибель дафний, а их недостаток — голод.

Когда появятся дафнии, коловратки, животных лучше не вылавливать, а в этом же аквариуме выращивать мальков. Тогда по мере своего роста мальки будут сперва есть коловраток, а затем более крупную живность — дафний.

Чтобы разводить дафний, достаточно иметь для начала всего одну. Дафнии размножаются в геометрической прогрессии. Первая молодь появится примерно

через неделю. Затем дафнии будут приносить потомство каждые три дня. За один раз (это зависит от условий и размеров дафнии) может быть от 5 до 50—70 штук. Через месяц в столитровом аквариуме дафний будет очень много. Но чтобы этого добиться, за дафниями нужно так же ухаживать, как и за аквариумными рыбками. Над аквариумом должна быть лампа. Она не столько нужна дафниям, сколько тому, кто за ними ухаживает, так как, только наблюдая за особенностями поведения этих рачков, можно приобрести навык в их разведении.

Яйца дафния откладывает в выводковую сумку, которая находится у нее на спине. Если выводковые сумки пусты или в них мало яиц (это видно под лупой), значит, дафнии голодают. Следует либо отловить часть дафний, либо увеличить дозировку корма.

Воду следует менять раз в 2—3 месяца.

Разведение дафний не менее интересное занятие, чем разведение рыб. Кроме того, аквариум с дафниями, если держать чистыми стеклами, которые быстро загрязняются изнутри, не менее красив и экзотичен, чем аквариум с рыбками. Вода из аквариума, где живут дафнии, и ил со дна, если он не издаст гнилостного запаха, что бывает при избыточном внесении дрожжей, — превосходное удобрение для комнатных растений.

Итак, мы коротко рассказали о том, как разводить живой корм. Следует помнить, что при разведении дафний никакая, даже самая подробная, инструкция недостаточна. Нужны терпение и настойчивость. Сразу все у вас, конечно, не получится. Но после нескольких неудачных попыток вы обязательно добьетесь успеха.

А. Макрушин

Дорогие участники Всесоюзного конкурса по сбору грибов, ягод, плодов, орехов и других дикорастущих хозяйственно-ценных и лекарственных растений, еще не поздно значительно улучшить свои показатели перед подведением итогов этого сезона. В начале октября собирают еще траву анабазиса. Идет сбор почек березы, сосны, соплодий ольхи, желудей дуба черешчатого, рожек спорыньи. Не забывайте и о сборе плодов шиповника коричневого и иглистого, боярышника кроваво-красного, можжевельника, жостера слабительного, лимонника и солянки Рихтера.

Внимание! Мы обращаемся ко всем коллективам и отдельным лицам, которые проводят сбор дикорастущих хозяйственно-ценных и лекарственных растений.

Из ряда районов и областей поступают сигналы о том, что некоторые ребята, да и взрослые, без предварительной консультации с работниками заготовительных организаций Потребсоюза, лесохозяйств, общества охраны природы или же с преподавателями ботаники своей школы отправляются на свой страх и риск «добывать» лекарственные растения... В результате в некоторых местах это привело к их полному истощению. Именно так обстоит дело в Белоруссии и Литве с горцем (адонисом весенним), арникой горной и ландышем майским.

Мы просим всех, кто включился в конкурс, постоянно поддерживать связь с работниками заготовительных организаций потребительской кооперации. Тогда в следующем году даров природы будет не меньше, чем в предыдущем. Именно с этим условием желаем большого вам успеха!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Рис. В. Прокофьева

ГЕРОЙ

Как-то после войны ехала я в командировку. На одной из больших станций вышла побродить по платформе. Мимо меня, обгоняя друг друга, бежали пассажиры: спешили в буфет перекусить.

Среди этой суматохи мое внимание привлекла собака. Простая дворняга, белая с черными пятнами, она прогуливалась по перрону необыкновенно чинно. Идя по самому краю платформы, она пристально, как бы по-хозяйски, смотрела на пробегавшие мимо маневровые паровозы, прислушивалась к гудкам. Я пошла рядом с ней и тут заметила, что на ее ошейнике что-то блестит. Медаль? Я наклонилась и увидела, что в кожу ошейника вделан железнодорожный значок, тот самый значок, который путевые работники носят на форменных фуражках.

«Эге, — подумала я, — да ты, оказывается, железнодорожница, то-то и прогуливаешься, как дежурный по станции». Но тут вокзальный колокол ударил два раза, и я поспешила к своему вагону. Собака не спеша поднималась в мой вагон. Проводник отступил, пропуская ее, и она проследовала, именно проследовала в служебное купе. Я прошла в свое и раскрыла книгу, но читать не могла: собака не выходила у меня из головы.

«Пойду к проводнику и узнаю про нее», — решила я. Подойдя к его купе, я услышала через дверь: «Ну вот, теперь большой перегон, мы с тобой попьем чайку и закусим».

«Кто-то есть у проводника, неудобно заходить», — подумала я и вернулась. Когда через несколько минут я снова подошла к его двери, там было тихо. Я постучалась и вошла.

Проводник и собака сидели рядышком на диване и ели колбасу. Пожелав им приятного аппетита, я призналась, что меня очень заинтересовала собака, и попросила рассказать о ней.

— Да, — сказал проводник, улыбаясь и похлопывая собаку по спине. — О ней есть что порассказать. Герой, уступи место.

Я села.

— А попала она ко мне случайно. Люблю я всякую живность, а не держал ни собак, ни кошек: хозяйка у меня не любит, чтобы животные в доме были. Вот иду я как-то с работы, в войну еще это было, я тогда на линии служил, ночь темная, за два шага стрелку не различишь, и вдруг слышу: скулит кто-то. И до того жалобно, прямо так за душу и берет. Засветил я фонарь, смотрю, в канаве щенок, слепой еще, тычется. Погладил я его, он и скулить перестал, за палец меня ухватил беззубой пастью. Такая меня тут жалость взяла,

передать невозможно. Какой, думаю, подлец тебя выбросил? Эх, была не была, возьму тебя к себе — не съест нас хозяйка, поворчит, поворчит да и перестанет.

Так и выкормил я его. И такой ладный песик получился. Пираткой назвали. А преданный, ну ни на шаг от меня не отстанет. Все, бывало, по путям с ним хаживали и поезда встречали. Еще прежде меня учует, что поезд подходит, и тащит меня на пост. Выучил я его любую вещь в зубах носить. Бывало, идем с ним на пост, я впереди, Пиратка за мной, сумку или фонарь тащит, а народ смеется: «Вот путевой начальник со своим старшим помощником идет». Смех смехом, а дело-то и всерьез обернулось.

Раз ночью (несколько лет назад это было) застаю я на пост, а мой сменщик говорит: «Звонили — ураган идет, тридцать метров в секунду. Поглядывай — на уклоне береза-то на честном слове держится. Говорил я, ее надо спилить». Чего там звонили, и так видно, ветер с ног сшибает. Того и гляди будку снесет. До почтового двадцать минут остается, пошли мы с Пираткой березу ту обследовать. А темень — шпал не видать. Вот и уклон. Я голову задрал, березу высматриваю, а иду шибко, чуть не бегом, поезд-то скоро придет. Вдруг как споткнулся обо что-то, вроде меня подбросило, пролетел метра два, да со всего-то размаха коленкой об рельс — хлоп! Искры из глаз так и брызнули.

Береза-то небось и сейчас стоит, а это сосна строевая поперек рельсов свалилась, о ее ствол я и споткнулся. Вскочил я, красный фонарь вздул, а боль в ноге непереносимая, как будто ногу калеными клещами рвут. Однако сгоряча-то шагов с десяток пробежал и свалился: не ступить на ногу, хоть ты что! Пополз я — куда там, не успеть... До поста еще метров триста, а поезд уже на мосту гукнул — через три минуты здесь будет. Отсюда сигнал нельзя подать — уклон на повороте.

«Ну, — говорю, — Пиратка, выручай!» Дал ему в зубы фонарь.

«На пост!» — кричу. А он не идет от меня — чует, что со мной беда. Побежит и назад вернется. Уж я и плакал, и ругался — не прогнать. Вдруг услышал он шум поезда, привычка многолетняя свое взяла, побежал. Я лежу и боли не чувствую, только сердце стучит, заглушает стук колес. Все же слышу: останавливается поезд.

*Записки
натуральста*

Тут я ровно в пропасть провалился. Очнулся уже, когда меня на шинель укладывали. Оказывается, увидел машинист красный сигнал, остановил поезд. Выскочила бригада: что за чудеса? Фонарь собака держит, а сама вся дрожит. Взяли у нее фонарь, смотрят кругом, а Пиратушка их ко мне тащит. Привел. Ну принесли меня к поезду. Рассказал, как все произошло. Машинист выслушал — и к Пиратке: «Ну, спасибо тебе, герой, сколько народу спас!» — и крепко пожал лапу Пиратке. А начальник поезда говорит: «Настоящий ты железнодорожник, только амуниция у тебя не форменная». И нацепил ему на ошейник вот этот самый значок. А какая-то пассажирка даже поцеловала Пиратку в лоб.

— Так вы кличку ему изменили?

— Да я не менял, а все, особенно первое время, говорят ему: герой, герой! И дают чего-нибудь лакомое, ну он и привык, и стал на Героя лучше чем на Пирата идти.

Собака прекрасно понимала, что речь идет о ней, и смущенно жмурила глаза, но делала вид, что ничего не понимает, и зевала.

Л. Лидина

БИФШТЕКСЫ ДЛЯ ЕВРАЖКИ

Невысокий пригорок на побережье Ледовитого океана заняли длиннохвостые суслики. Мы видели их и раньше. Но в прошлые годы мирно уживались с ними — места всем хватало. В этот раз они кишмя кишели там, где мы хотели разбить лагерь. Вообще-то, по справедливости хозяева здесь они — исконные обитатели полярной тундры, а мы — нежеланные пришельцы, но выбирать не приходилось. Здесь было самое высокое и сухое место.

Сначала суслики с любопытством наблюдали за нами, столбиками возвышаясь у порогов своих норок. Казалось, что они специально привстали, как зрители на стадионе, чтобы получше все рассмотреть. Но когда мы начали ставить палатки и застучали топоры, загрохотали бидоны и канистры, они увидели, что мы решили обосноваться здесь надолго. Это им явно не понравилось. Они стали громко верещать, выражая свое негодование, а может быть, пытались испугать нас. Но стоило чуть приблизиться к какому-нибудь крикуну, как он опометью кидался в свою норку.

Я спросил одного из местных жителей, почему вокруг столько сусликов.

— В прошлом году мятлик хорошо уро-

дился. Вот и сусликов много расплодилось. В этом году, однако, травы в тундре мало.

Мы прожили в лагере примерно месяц и привыкли к несметному множеству серовато-палевых зверьков с крапчатыми спинами. Они тоже, наверно, смирились с нашим присутствием, потому что уже не приходили в такое страшное возбуждение, как в первые дни после приезда, когда кто-нибудь из нас выходил из палатки. Да и хлопот у них прибавилось — корм в окрестностях лагеря кончался. Чтобы пообедать, зверькам приходилось предпринимать все более далекие экспедиции. А песцы и совы, да и другие пернатые хищники не дремали. Может быть, поэтому несколько норок неподалеку от нашей палатки опустели.

Как раз в эти дни я познакомился с Евражкой. Собственно, евражками местные жители — чукчи зовут всех сусликов. Я стал звать так лишь одного из них. Отличить его от других было просто: бегал он медленно, как-то странно припадая на переднюю лапку.

Когда я простудился, мне пришлось несколько дней оставаться в лагере за дежурного. Кончив несложные дела, я внимательно присматривался к жизни наших соседей. Вскоре я заметил, что очень много сусликов бегают к берегу океана. Зачем? Что могло их там интересоваться? Я знал, что поживиться там нечем — растительности практически никакой, почти сплошь песок, галька, огромные валуны.

Однажды я решил раскрыть эту тайну. Когда я подошел к мысу, передо мной открылось забавнейшее зрелище. На краю полуметрового обрыва, отмечавшего границу, куда докатывались волны самых свирепых штормов, в одну линию выстроились столбиками несколько десятков сусликов. Можно было подумать, что они пристально вглядываются в океанскую даль, ожидая доставки продуктов.

Вдруг, как по команде, вся компания ринулась к воде. В это время как раз откатилась волна, которая вынесла на берег очередную порцию водорослей. Суслики закопшились в них. Но на берег накатывался очередной вал, и зверьки опометью бросились к спасительному обрыву. Так повторялось несколько раз. Расчет у них был так точен, что ни один из них ни разу не намок.

Я подошел к воде и взял пучок водорослей. Длинные полупрозрачные скользкие ленты выглядели неаппетитно. Вряд ли они могли интересоваться сусликов. Скорее всего, решил я, их привлекали какие-нибудь мелкие рачки и моллюски, которые вместе с водорослями попадали на берег.

В лагере меня ожидал еще один сюрприз. Когда я уходил к морю, то оставил две здоровенные кастрюли с обедом на

улице, неподалеку от импровизированной печки. Представьте себе мое удивление, когда я увидел суслика, который, упираясь передними лапами в стенку кастрюли, пытался приподнять носом крышку.

В этот момент суслик больше всего напоминал шкодливого котенка. Я прокрался за фотоаппаратом. Вернувшись, я увидел, что суслик почти преуспел в осуществлении своей затеи. Щелчок затвора спугнул зверька, и он, припадая на одну ногу, побежал к норе. Так познакомился я с Евражкой.

Когда суслик снова появился возле норы, я подумал, что такая предприимчивость должна быть вознаграждена, и бросил ему полуобглоданную жареную утиную ногу. К моему удивлению, он не испугался, а без колебаний поспешал к неожиданному подарку, словно жареная утка постоянно входила в его меню.

С тех пор мы бросали сусликам кости, кусочки сухарей и сахара. Я опекал Евражку, выделяя ему лакомые кусочки из того, что мы ели сами. Из-за хромоты он был в невыгодном положении по сравнению со своими собратьями: не успевал к угощению, если оно падало достаточно далеко от его норки.

Вскоре случилось так, что мы на собственном опыте узнали, каково приходится сусликам в это лето. У нас стали кончаться продукты. Обычно их регулярно доставляли на боте, но сейчас на море бушевал шторм, и ни о каком боте не могло быть речи. Пришлось ввести режим экономии. В довершение всех бед не везло с охотой: утки и другая дичь куда-то исчезли.

Когда у нас остался последний кусок

мяса, дежурить в лагере довелось мне. Нужно было готовить обед, и я, положив мясо на разделочную доску, стал раздумывать, как выкромить из него бифштексы на десять человек. Задача оказалась мне не по плечу, потому что в куске от силы было граммов шестьсот. Поэтому я решил соорудить что-нибудь похожее на беф-строганов. Весело насмистывая, я пошел в палатку за сушеным луком, морковью и другими приправами.

Когда я вернулся, мяса на доске не было. Сначала я опешил, не понимая, что произошло. «Мистика какая-то», — подумал я и даже заглянул под доску, которая лежала на двух невысоких чурбаках. Мяса там не было. Оглядевшись, я увидел Евражку, который пятился задом, вцепившись резцами в мясо. Он уже успел подтащить кусок к самому входу в нору.

Я бросился за ним сломя голову — пропал обед для всей партии. Едва я успел покрыть половину расстояния, прямо на моих глазах Евражка, а за ним и мясо исчезли под землей. Вгорячах я сунул было руку в нору, надеясь ухватить мясо, но мои пальцы лишь царапнули по холодным и влажным стенкам жилища Евражки.

Я уже хотел бежать за лопатой, чтобы раскопать жилище ворishiки, но вовремя вспомнил, что на раскопе мы однажды рыли траншею и случайно наткнулись на нору суслика. Мне было бы не под силу в вечной мерзлоте углубиться на три метра вниз, куда ведет входной тоннель, а потом разыскивать Евражку в его многометровой норе с многочисленными отнорками и камерами, в одной из которых он, без сомнения, уже приступил к обеду.

Я не знал, что сказать ребятам, когда они пришли обедать. Зато у них нашлось немало выразительных слов в мой адрес, а кто-то поклялся прикончить Евражку, как только он появится. Однако Евражка не выходил из своего убежища несколько дней.

Наконец пришла пора возвращаться. Когда мы уже почти свернули лагерь, я подумал о Евражке.

Он пережил это лето благодаря людям. Но как он проживет оставшиеся до спячки недели? «Нужно помочь ему до конца», — подумал я. У нас оставались кое-какие припасы, которые не было смысла везти с собой. Когда я подошел к норе, Евражка быстро нырнул в свое убежище. Я стал без разбора сыпать в нору остатки круп, сухарей, сушеной моркови. С особым старанием я нарезал и опустил в темное отверстие несколько кусков мяса, чтобы Евражка мог полакомиться напоследок отличными бифштексами.

Ф. Юрвев

ХИТРЫЕ СИНИЦЫ

В том году очень рано прилетели синицы. «Цви-двиг!» — пели они, повиснув на переплете рамы и заглядывая в окно.

— Теперь жди снега, — сказала бабуся.

Но как-то не верилось, что скоро будет зима, потому что деревья стояли зеленые-зеленые.

Однако мы в тот же день взялись за кормушку: бабуся выросла в деревне, и у нее был свой календарь, проверенный годами. Кормушку склеили из белого пласти-

ка — знакомый художник отдал обрезки. В дне просверлили несколько отверстий, чтобы через них вытекала вода во время оттепели.

И через несколько дней ударил мороз: на зеленых еще деревьях — густой иней. Замерзшие листья звенят, как сосульки, и осыпаются, чуть подует посильнее ветер.

И налетели синицы! Прошлогодние нас узнавали и нисколько не боялись, когда видели на кухне: долбили семечки прямо на кормушке, повернувшись к нам хвостом, стучали будто дятлы.

А когда выпал тяжелый снег, а потом красная нитка термометра опустилась ниже нуля на двадцать делений, на проволоке, против кормушки, обосновались воробьи. Голод взял свое, и они, забыв осторожность, вначале по одному, а потом гурьбой оккупировали кормушку. И в считанные секунды от семечек осталась одна шелуха.

Теперь уже синицы сидели на проволоке, не смея подлететь к кормушке. Если какая и осмеливалась, воробьи дружно ее отгоняли.

И сколько мы ни подсыпали, воробьи мигом все поедали. Правда, когда кто-либо из нас вплотную подходил к окну, воробьи улетали, но не будешь же целыми днями дежурить у окна.

Выручила синиц моя дочь Таня. Надула резинового кота и поставила его на подоконнике, усами к стеклу. Воробьев и след простыл.

А синицы мигом сообразили, что кот игрушечный, и вновь стали хозяевами кормушки.

В. Коновалов

ЛОЦМАНЫ ТАВРИЧЕСКОГО МОРЯ

(Окончание. Начало см. на стр. 11)

дира, который вместе с нынешним бригадиром учится руководить ребятами.

— А будущий бригадир загорает да ловит рыбу, — подхватила с юмором черноволосая, плотненькая, небольшого роста Валя Рябкова и кивнула в сторону канала, где замерли с удочками в руках рыбаки. Вот какая утеха: днепровская вода не только оживила степь, днепровская вода и рыбу принесла, и теперь в сбросовом канале водится и сазан, и карп, и карась, а иногда и кефаль попадает. И Тамара припомнила, что скоро в школе соревнования на лучшего рыбака: сам любитель рыбной ловли, Василий Евтеевич и ребят приохотил к рыбалке, даже соревнования устраивают на этих каналах...

В труде да в заботах проходило знойное лето, и вот уже пересохло Таврическое море, поскольку наступала пора уборки риса и вода могла лишь положить рис, помешать уборке, как вдруг дожди пошли, дожди. Да и какие дожди — с ветром!

— Ребята, рис положило! — разнеслась по бригаде тревожная весть. — А ведь убирать вот-вот...

— Давайте без паники, — вырвалось у Тамары. — Прежде чем убирать, подождем, пока рис подсохнет.

Дожди прекратились, и колосья риса вскоре подсохли, и от сильного ветра все равно оставался рис полеглим.

И вот уже тут боевая тревога подняла всю школу: и старшие и младшие вышли на чеки поднимать полеглий рис. Ведь если не поднимаешь рис, комбайн как следует не скосит. А если перестоят рис, то это тоже грозит потерями жемчужного зерна.

А потом началась уборка! Тамара видела по своей подруге Вале Рябковой, как та и волнуется, и одновременно гордится, что не может сдержать радостной улыбки: ведь убирал школьный рис ее отец, совхозный комбайнер Иван Петрович Рябков...

— Ну а теперь подсчитаем, — сказала Валя уже после того, как дважды по всем чекам прошел на комбайне ее отец, а ребята подобрали даже все колоски. — Подсчитаем, какой урожай. Знаете, какая цифра? Семьдесят центнеров с гектара.

— Да, но вот на седьмом чеке, где внесли гипс, все-таки получили на десять центнеров больше, чем на шестом. А на шестом, как помните, не вносили гипса, — настойчиво напомнила Тамара.

— Бригадир учтет, — охотно и даже с некоторым озерством подхватила Валя Рябкова. — Я говорю про будущего бригадира...

Да, подумала Тамара, все учтет будущий бригадир, преемник Вали Рябковой: и что за прошлую пятилетку школьная бригада собрала на двенадцати гектарах и сдала государству свыше 500 тонн риса, и что сорт «юбилейный» — самый перспективный, и что надо гипс вносить перед севом... Много, многое перейдет, как доброе наследство, будущим школьным рисоводам: и опыты по выращиванию риса, и военная карта разведчика Лавренчука, и будут ребята повторять путь десанта, будут чтить память героев Петра Коробчука и Александра Корчаги, сады будут досматривать, состязаться на звание лучшего рыбака...

Ах, эти соревнования рыбаков! Хотя девчата вроде бы никогда не считались искусными рыбаками, а вот получилось так, что класс, где учится Тамара и где больше всего девочек, вышел победителем: и рыбы много наловили, и самую вкусную уху приготовили.

А когда собран хороший урожай, когда ты победил и на рисовом чеке, и здесь, на богатом рыбою канале, то можешь вздохнуть счастливо, окинуть взглядом степь и сказать самому себе: жизнь прекрасна, если наполнена заботами, интересными делами, военными играми, походами, соревнованиями.

Есть все-таки, есть Таврическое море, а там, где море, — там должны быть и лоцманы. Лоцман выбирает пути для кораблей, а лоцманы из Таврической средней школы уже сейчас определяют свою судьбу. Многие из тех, кто выращивает рис, поступают потом в институты, чтобы и в дальнейшем продолжать дело, успешно начатое еще в школьной производственной бригаде. Вот, например, бывший бригадир рисоводов Оля Квашина, награжденная за успехи, за высокие урожаи, полученные на школьных чеках, медалью «За трудовое отличие», теперь студентка Крымского сельскохозяйственного института имени М. И. Калинина.

Есть лочия будущей жизни и у Тамары Чахоцкой. И, мечтая о будущем, Тамара иногда заходит в школьный музей боевой славы, разворачивает старую карту разведчика Лавренчука и, снова и снова рассматривая пометки позиций, укреплений, окопов на ней, читая ее, такую знакомую, думает о том, что одного нет на карте военных лет: Таврического моря.

Но зато теперь это море, где и по сей день остались следы бомбежки, есть у нее, у Тамары Чахоцкой. Вон оно среди степи — Таврическое урожайное море!

Эдуард Корпачев

«ЛИСТОПАД».

Лева Хахин, г. Владимир

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Камшат Доненбаева. Земной поклон хлебу . . .	1	Г. Сележинский. Скакуны пустыни . . .	22
Р. Короткий. Солнце диктует программу . . .	5	К. Владимиров. Караванными тропами . . .	26
Латвийская ССР . . .	8	В. Алексеев. Новоселье Заполярья . . .	30
Эдуард Корпачев. Лоцманы Таврического моря . . .	11	Дж. Даррелл. События звериного дня . . .	33
И. Константинов. Звени, земля! . . .	14	Клуб Почемучек . . .	36
Лесная газета . . .	16	В. Есаулов. Путешествие к Чар-озеру . . .	42
		Советы . . .	46
		Записки натуралиста . . .	51

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице: белка в осеннем лесу; на четвертой: убранное поле. (Фото В. Гумснюка и А. Дорожинского)

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Корчагина В. А., Клумов С. К., Маслов А. П., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам главного редактора), Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В., Ярлыкапов А. Б.

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 2/VIII 1976 г. Подписано к печати 9/IX 1976 г. А05153. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 1404. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии 103030, Москва, ГСП-4, Сушевская, 21.

НАШ АДРЕС:

ТЕЛ 251-15-00

год 4-80

ИНГЕ БЫКОВОЙ 10 ЛЕТ. ЖИВЕТ ОНА В ГОРОДЕ ЧЕРНОВ-
ЦЫ, УЧИТСЯ В 4-М КЛАССЕ ШКОЛЫ № 26. СТИХИ ПИШЕТ
С ТРЕХ ЛЕТ. КАК ЭТО У НЕЕ ПОЛУЧАЕТСЯ, СУДИТЕ САМИ.
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВАМ СЕГОДНЯ ТВОРЧЕСТВО ИНГИ БЫ-
КОВОЙ.

ЛЕС

Тут жили только буки, большие и малю-
сенькие.

И жили тут разные птицы.

Стволы буков голубоватые, а листочки
молоденькие,

светло-зеленые и тоненькие,

а по краешкам в беленьких волосиках.

Недавно они спали в своих тепленьких
постельках,

а сейчас проснулись и смотрят малю-
сенькие листики.

А под ними сухие шуршащие листья.

Я их потерла в руках, и они рассыпались
на крошечки.

ДОЖДЬ И ГРАД

Не было дождя — ручьи спокойно разго-
варивали,

но, когда пошел дождь с градом.

ручьи будто взбесились и побежали.

Тучи нахмурились, будто надулись.

А ручьи шумят, бегут и ругаются.

Поднялся шум...

Наконец град перестал:

понял, что побьет все цветы.

А дождь не перестает.

* * *

На улице день.

Солнышко пригревает зеленую

свежую травку

и дает мне свой луч,

будто мы здороваемся.

* * *

Я шла по тенистой лесной тропинке.

Пела одна какая-то птица,

кусались комары,

и я увидела выпуклые корни,

будто вены земли.

ИНДЕКС 71121
20 коп.

